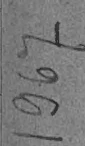
Зиновьев

КОМИНТЕРН в борьбе за массы

Г. ЗИНОВЬЕВ

КОМИНТЕРН В БОРЬБЕ ЗА МАССЫ

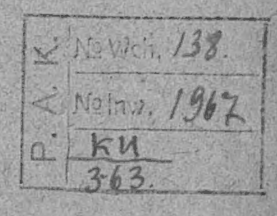

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ☆ 1926

Г. ЗИНОВЬЕВ

КОМИНТЕРН В БОРЬБЕ ЗА МАССЫ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
VI РАСШИРЕННОМУ ПЛЕНУМУ ИККИ
(ФЕВРАЛЬ—МАРТ 1926 г.)
ДОКЛАД, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО И РЕЗОЛЮЦИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 56829. Гиз № 16447. Тираж 10.000 (1—7 тысяча) экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская ул., д. 16.

Доклад на VI расширенном пленуме ИККИ 20/II.

I. Введение.

— Товарищи, вам был роздан здесь письменный отчет Исполкома, содержащий много фактического материала, относящегося к моему докладу. Помимо того, вам розданы тезисы, которые подверглись обсуждению и в общем и целом одобрены президиумом Исполкома. Так как вы уже отчасти знакомы с тем обширным материалом, который связан с темой моего доклада, то я могу считать, что моя задача этим несколько облегчена. Поэтому я позволю себе ограничиться приведением лишь немногих самых необходимых цифр и фактов.

Вы все помните, что на V конгрессе мы констатировали временное наступление «эры демократического пацифизма» в капиталистических странах. Можно смело сказать, что 1924 год прошел под знаком этой эры. 1925 год, в начале которого состоялся последний расширенный пленум ИККИ, был периодом капиталистической «стабилизации». 1926 год является уже периодом колеблющейся, более непрочной стабилизации. Я полагаю, что оттенение этой черты переживаемого периода будет характерным моментом нынешнего пленума. Однако, хотя стабилизация капитализма непрочна, весьма условна, наш первый долг, как революционеров,—не преувеличивать этого обстоятельства и не делать отсюда неправильных выводов.

В основу своего доклада я хотел бы положить следующие слова Владимира Ильича:

«Для настоящего революционера самой большой опасностью,—может быть, даже единственной опасностью,—является преувеличение ре-

волюционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов... Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае,— но погибнут наверняка в том случае,— если потеряют трезвость...» [1]).

Нам не следует забывать этих слов особенно сейчас, когда мы имеем полное основание говорить о крайней непрочности капиталистической стабилизации. Предвосхищая несколько содержание работ этого пленума, скажу, что лейтмотивом его явится идея единства рабочего класса, идея единства профсоюзов. Опять-таки я напомню вам здесь известные слова Ленина, указывавшего, что «надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену» [2]). Я полагаю, что в настоящий момент этим «звеном» является лозунг единства рабочего класса в первую очередь в профсоюзной области.

О двух перспективах развития революции.

Как вы знаете, товарищи, начиная с V конгресса, мы работаем, имея все время перед собой две возможные перспективы. Отчасти уже и на III конгрессе, решения которого чрезвычайно важны и особенно актуальны и живы сейчас,— я еще коснусь этого во 2-й части моего доклада,— итак, с III конгресса и в особенности с V конгресса вся наша работа строится на основе учета двух возможных перспектив. Как это понимать? Речь идет о двух перспективах в вопросе о темпе развития (а отчасти и о маршруте пролетарской революции), но отнюдь не о самой неизбежности пролетарской революции. Мы были и останемся пролетарскими революционерами. Мы уверены, что диктатура пролетариата стоит в порядке дня истории. Каждый этап исторического развития подтверждает нашу правоту, безошибочность нашего курса на пролетарскую революцию. Мы считаем, что еще нашему поколению суждено пережить победу пролетариата в мировом масштабе. В этом смысле у нас единая перспектива, абсолютно незыблемая. Но

---

[1]) Н. Ленин. „О значении золота теперь и после полной победы социализма". Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 410.

[2]) Там же, стр. 412.

в смысле темпа, срока,—а это чрезвычайно важный для каждой партии фактор,—а отчасти также, как я уже указал, и маршрута пролетарской революции,—мы в своей работе должны учитывать возможность двух перспектив, как это совершенно отчетливо и было высказано на V всемирном конгрессе.

О темпе революционного развития.

В резолюции V конгресса мы указывали, что Коминтерн в данной исторической стадии должен учитывать две возможные перспективы: 1) быстрого назревания революционных конфликтов, когда победа пролетарской революции может быть одержана в 3—4—5 лет, и 2) медленного назревания, затяжного развития мировой революции.

Разумеется, товарищи, наличие в нашей борьбе и работе двух возможных перспектив имеет свои неудобства: порою это оценивается как эклектизм, толкуется как отсутствие у Коминтерна твердой линии в важнейших вопросах. Иной раз— и это понятно с точки зрения субъективных настроений каждого из нас—мы предпочли бы взять за исходный пункт менее отрадную перспективу, лишь бы она была единственной. Наличие двух перспектив проистекает на деле не из нашего эклектизма, не из отсутствия дальновидности у Коминтерна, но диктуется ходом мирового исторического развития в переживаемый Коминтерном период. Я напомню вам, товарищи, что в истории большевизма и возглавлявшейся Лениным большевистской партии еще до основания Коминтерна тоже было положение, когда приходилось считаться с двоякого рода перспективой. В неизбежности второй русской революции большевики после 1905 года не сомневались: после поражения 1905 г. они были твердо убеждены, что вторая революция произойдет непременно, так как первая не разрешила революционных задач, и революционные силы остались. Но в отношении темпа и срока второй революции— произойдет ли она через два года или через десять лет,— в этом вопросе после 1905 г. долгое время приходилось учитывать две возможных перспективы.

В ту пору тоже не было недостатка в попытках изобразить большевистскую позицию как своего рода эклектизм. Но то не был эклектизм, это была историческая диалектика, марксистская, ленинистская установка; суммируя все положение, большевики пришли к выводу, что в смысле темпа развития второй революции временно приходится считаться

с двоякого рода перспективами. И это обстоятельство отнюдь не делало тактики большевистской партии оппортунистической или же недостаточно твердой.

Аналогичное положение переживаем мы и теперь, с той лишь разницей, что в мировом масштабе положение гораздо сложнее, чем в масштабе одной страны: после мировой империалистической войны, после победы русской революции и особенно после ряда поражений революции в различных странах положение очень сложно, и заранее предугадать темп и маршрут в мировом масштабе сейчас гораздо труднее.

Теперь настало время, когда мы можем с большей объективностью и спокойствием проанализировать причины и уроки нашего поражения в Германии в 1923 г., двух поражений в Болгарии и, наконец, последнего поражения в Ревеле; это время, на которое выпадают указанные поражения, является периодом очень тяжелым в развитии коммунистического движения. Мы должны подойти к этим событиям не как историки, а как революционеры. Поражение 1905 г. служило для ленинизма предметом изучения в 1906—7—8 и последующие годы. Непосредственно вслед за поражением нам не хватало опыта и объективности для трезвого и спокойного анализа этих событий.

Товарищи, оценивая теперь уроки поражения в Германии и, можно сказать, во всей Средней Европе, мы должны прежде всего отметить, что эти уроки властно выдвигают в первую очередь вопрос о необходимости завоевания масс. Я не могу в этом докладе останавливаться специально на этих уроках, они должны явиться темой самостоятельного изучения. Ограничусь пока лишь тем, что призову Коммунистический Интернационал уделить возможно больше внимания этим событиям и продумать их в связи со стоящей перед нами задачей завоевания большинства рабочего класса, с одной стороны, и установления правильных взаимоотношений пролетариата и крестьянства,— с другой.

Возвращаюсь к затронутому вначале вопросу о двух перспективах. Если бы меня в данный момент спросили, не следует ли нам отказаться от них и ввиду непрочности капиталистической стабилизации остановиться только на одной, я бы ответил: нет. В вопросе о темпе революции нам все еще приходится учитывать две возможных перспективы (а в вопросе о маршруте—и больше), и необходимость этого я постараюсь показать в дальнейшем своем анализе нынешнего положения.

О маршруте революции.

Прежде всего по вопросу о маршруте. Вначале мы, пожалуй, чрезмерно приковали свои взоры к Центральной Европе. Это была пора, так сказать, некоторого «увлечения» Германией. Нам казалось, что после России на очереди пролетарская революция непременно в Германии. На последнем расширенном пленуме в 1925 г. нам пришлось уделить больше внимания Англии, несколько отдаляя перспективу революции в Германии. К концу 1923 г. положение германского капитализма было исключительно тяжелое, а потому и перемена, наступившая в 1924—25 г., в результате временной стабилизации, казалась особенно разительной. Поэтому в начале 1925 г. на нашем расширенном пленуме мы несколько скептически относились к вопросу о зрелости революционной ситуации в Германии. Теперь снова хозяйственные и политические трудности обрушились на Германию и Среднюю Европу. Не подлежит сомнению, что на Балканах капитализм сравнительно стабилизовался, но вместе с тем Балканы могут и теперь явиться источником наибольших неожиданностей для капитализма.

Теперь возник новый, исключительной важности фактор— движение в Китае, таящее в себе тоже много неожиданностей. Вы видите, товарищи, какую трудность представляют хотя бы общая оценка положения и определение географического маршрута пролетарской революции. Стремясь охватить положение во всемирном масштабе, мы должны сказать, что, повидимому, прежде всего революция стоит в порядке дня в Европе и во вторую очередь — на Востоке. Но мы видим, что европейская революция тесно связана с национально-революционным подъемом на Востоке; оба процесса тесно переплетаются между собой и развиваются параллельно. Только условно можно рассматривать их в отдельности. Затем уже идет Америка. 1) Европа, 2) Восток, 3) Америка. При чем и в самой Европе, и на Востоке, и в Америке тоже надо различать отдельные, наиболее ярко обозначающиеся пункты. В частности в Америке, мне кажется, крупную, значительную роль суждено сыграть южно-американским государствам. Такова наша постановка вопроса относительно возможного ближайшего маршрута революции. Я полагаю, товарищи, что и здесь надо учитывать различные возможности, различные перспективы. Рост Коминтерна и его зрелость непременно должны сказаться и в

умении предвидеть, учесть все вероятные маршруты пролетарской революции и сделать отсюда необходимые практические выводы.

Европа и Восток.

Мистер Кремп, председатель Рабочей Партии Англии и генеральный секретарь тред-юниона железнодорожников, написал недавно статью, содержащую «гениальный» план. Кремп заявляет: к чему раскол в Интернационале, к чему борьба между Москвой и Амстердамом? Разве нельзя мирно договориться и поделить континенты между отдельными Интернационалами: Европу отдать Амстердамскому Интернационалу, как имеющему в Европе большинство. Это будет «первый» Интернационал. «Вторым» Интернационалом пусть будет московский. Москва довольно близка к азиатским народам, ее идеология и ее теория проникнуты в значительной степени азиатским духом; почему бы не стать Москве резиденцией Интернационала московско-азиатского? Такой полюбовный раздел, по мнению Кремпа, разрешит спор между Москвой и Амстердамом. «Третий» Интернационал должен обосноваться в Америке, пусть им будет Американская Федерация Труда. Американская Федерация Труда достигла-де «блестящих результатов»,—говорит Кремп,—это она помогла стать на ноги мексиканскому профдвижению. Разделив таким образом между собою «сферы влияния», мы положим конец расколу в современном рабочем движении,—развивает свой поистине «гениальный» план Кремп. В этом довольно наивном предложении сказалась «мудрость» реформистских вождей в Англии. Излишне опровергать этот «гениальный» план на нашем пленуме. Ясно, что мы стремимся создать в Москве Интернационал не московско-азиатский, а всемирный, и что весь ход исторического развития облегчает нам эту задачу.

Кое-кто из господ, говорящих непосредственно от имени буржуазии, разбирается лучше этого Кремпа и представляет себе дело яснее.

Так, например, одно высокопоставленное лицо из американского политического мира недавно так оценивало значение нашей советской конституции.

«Новая конституция СССР, по его мнению, прославляется ее творцами не как отдельный исторический факт, но как шаг к осуществлению определенной политики. Чтобы олицетворить это, был изменен советский герб, который согласно 70-й статьи состоит из серпа и молота, наложенных на зем-

ной шар, при чем некоторые страны окрашиваются в красный цвет, подразумевая, что со временем эта краснота распространится повсюду».

Вот так великое открытие!

И вывод этого сановного лица таков: «Речь идет не о пропаганде отдельных ревнителей Советской России, направленной против американских учреждений, но об открытом заявлении советского правительства о своем твердом решении создать социалистическую Лигу Наций, к которой все страны раньше или позже должны будут примкнуть не только теоретически, но и фактически, на деле».

Как видите, этот буржуа разбирается в положении несколько лучше Кремпа.

Я позволю себе процитировать одну статью г-на Шассена, помещенную в февральском номере журнала «Ревю де Дэ Монд», под заглавием «Мобилизация Азии».

«Большевизм не в силах взять натиском европейскую крепость и пытается окружить ее, захватить предательски. Он бесстыдно вступает в сделки со всеми противниками Запада. На Востоке нет более националистической организации, чем III Интернационал. Под тем предлогом (!), что классовые интересы временно совпадают с национальными, он поддерживает национальных героев и восточную буржуазию, а в России идет на уступки своей новой буржуазии — крестьянству.

«Нерушимый мост» между Европой и Азией, единственное детище, которым может гордиться Коминтерн, это—путь для наступления вандалов на европейскую цивилизацию. Знаменитый «мужицкий Ватикан» стал Меккой, где находят отклик все требования и претензии колониальных народов».

Как видите, г-н Шассен «утешает» себя тем, что мы, большевики, обратим все наши взоры на Восток. Проблема эта, таким образом, приобретает жгучий характер. Все враги наши, в том числе и реформистские вожди в Англии, занимаются сей темой сугубо.

Из года в год нам придется вносить кое-какие коррективы в свою работу, приковывая внимание то к Средней Европе, то к Западу, то к Англии, то к Востоку и в обратном порядке. Одно ясно: Коминтерн все в большей и большей мере вырастает в мировую организацию и независимо от двоякого рода перспектив, в смысле темпа движения, стоит незыблемо на прежней почве в вопросе о самой неизбежности пролетарской революции.

II. О „стабилизации“ капитализма.

Меньшевистско-буржуазная оценка „стабилизации“.

Как стоял этот вопрос год назад? Чуть ли не с момента произнесения нами слова «стабилизация» господа из II Интернационала и в частности германской социал-демократии стали распространять в Берлине листовки, с ликованием возвещавшие миру, что «в Москве решено отказаться от революции и от диктатуры пролетариата». На самом деле нам это и в голову не приходило. Мы, разумеется, ни на один момент не отказывались от пролетарской революции. Мы лишь констатировали то, что соответствовало истинному положению вещей и что остается в силе отчасти и сейчас,—некоторую стабилизацию в положении капитализма, стабилизацию относительную, слабую, но все же стабилизацию.

В чем была разница между нами и социал-демократией в этом вопросе, между нами и, скажем, школой Каутского, Гильфердинга, Отто Бауэра? Вовсе не в том, что мы отрицаем наличие признаков временной, относительной стабилизации капитализма в той или другой стране. Нет, их мы видим, открыто об этом говорим и будем говорить. Мы достаточно сильны, чтобы не строить себе иллюзий, мы достаточно сильны, чтобы смотреть опасности в глаза, мы достаточно сильны, чтобы надлежащим образом оценивать врага и его силы. В чем же различие? Подлинное различие в том, товарищи, что для социал-демократии стабилизация не есть нечто относительное и преходящее; она усматривает в ней целую новую историческую эпоху капитализма, она считает, что капитализм будет существовать еще в течение длительного периода. «Да, капитализм воевал, но теперь он оправляется и, возможно, что после войны только окрепнет, он будет существовать еще целые десятилетия, если не столетие»,—вот настроение социал-демократии.

Меня, пожалуй, упрекнут в преувеличении. Ничего подобного! Разумеется, такая хитрая лиса, как Отто Бауэр, а то и Гильфердинг, не скажет так прямо. Но для нас интересен не столько «научный анализ» этих хитрых лис, сколько повседневная агитация соц.-дем., методы практической работы II Интернационала. В каком виде преподносят они свои мысли пролетариату? Как подходят они сами к этому вопросу? В этом отношении весьма характерна статья, появившаяся в «Право Лиду» от 16 декабря 1925 г. Чехо-Словакия—да простят нам чешские товарищи—все еще немножко провин-

циальная страна. Она не играет первой роли во II Интернационале. Тем любопытнее посмотреть, как истолковывают тезисы Бауэра и Каутского социал-демократы там. Как мыслят они себе стабилизацию? Вот коротенькая выдержка из одной с.-д. статьи:

«Таким образом, по каким-то непонятным причинам, в России еще и поныне господствует неправильный взгляд на Европу. Еще до сего времени там думают, что хозяйственный строй Европы близится к катастрофе, что в Европе плетутся интриги против России и строятся планы союза, направленного против нее, что европейские государства уже до такой степени расшатаны, что их крах является лишь вопросом времени. Но если удалось с успехом провести целый ряд мер, как, например, принятие плана Дауэса, финансовая поддержка Германии, Польши и Австрии,—разве это не поражение коммунистов Германии, Франции и Англии? А раз дело дошло до Локарно, раз дело дошло до соглашения по поводу европейских долгов Америке,—все это симптомы того, что Европа готова к новой жизни на целое столетие».

Итак, Европа, капиталистическая Европа, устраивает свои дела на целое новое столетие! Что у Отто Бауэра и Гильфердинга на уме, то у провинциального чешского социал-демократа на языке! И агитация, которая социал-демократией ведется, на деле вращается в гораздо большей степени вокруг этой простой формулы о столетии нового процветания капитализма, чем вокруг хитроумных «научных» формул Отто Бауэра или Гильфердинга.

Любопытно сопоставить с этим то, что говорится дальновидными буржуа. Взять хотя бы статью известного английского либерального экономиста Кейнса. Это отнюдь не большевик,—не так давно я имел удовольствие лично с ним беседовать, и мне пришлось убедиться, что у него самое... дикое понятие о большевизме. Но он кое-что смыслит в английской и мировой экономике. И вот в самые последние дни Кейнс в статье, помещенной на страницах «The Nation and the Athenaeum», в номере от 6 февраля 1926 г., писал:

«Здравая» политика финансов так же душит Германию, как и Англию. Я думаю, что от нее нельзя будет избавиться иначе, как только при помощи политического штурма. Крупные дельцы Германии готовы лояльно сотрудничать с дауэсовскими комиссарами, отчасти из любви к спокойной жизни, отчасти из желания сохранить хорошие отношения с иностранным финансовым миром. Но может наступить такое время, когда германское правительство, подчиняющееся при-

казам комитета по переводам, не найдет поддержки избирателей. Если это произойдет, чем должны будут угрожать союзники, чтобы устрашить немецкий народ? Кампания западных держав за понижение уровня жизни в Центральной Европе может оказаться не таким уж благоприятным фактом для дела капитализма и может дать силам брожения дальше на Востоке ту возможность, которую они ожидают. В настоящий момент Германия является экономически опасным местом Европы».

Видите, как расценивает положение Кейнс! Он считает, что нож у горла не только Германии, но и чуть ли не всей Европы. Он полагает, что вопрос можно разрешить, лишь разрубив политический узел.

Разница между нами и социал-демократами совсем не в том, что мы якобы отрицаем временную, преходящую, относительную, кратковременную, слабую стабилизацию капитализма в той или иной стране. Мы ее видим, на нее указываем и будем указывать, сообразно фактическому положению вещей. Разница в том, что мы попрежнему предсказываем смерть капитализму. Наш диагноз остается прежним: с м е р т ь к а п и т а л и з м а, и диктатура пролетариата через сравнительно небольшой промежуток времени! Социал-демократия ставит другой диагноз. Она предсказывает: возрождение капитализма на десятилетия и даже на целое столетие, существование его в течение новой длительной эпохи.

О правильном критерии для оценки стабилизации.

Кое-кто из товарищей говорил, и правильно, что на сессии 1925 г. мы не вполне ясно определили сущность «стабилизации». Мы не станем утверждать, что и в нынешних тезисах, вам предлагаемых, это понятие вполне разработано. Мы рады будем уточнить и пополнить его при помощи всех товарищей. Но надо уже теперь ясно сказать, о чем идет речь, что служит для нас критерием, когда мы говорим о стабилизации.

Когда мы говорим о восстановительном процессе мирового капитализма, мы должны сказать, с какой же эпохой мы сравниваем нынешнюю? С довоенной ли, 1913—14 г.г., или мы берем за исходный пункт 1919 — 20 г.г. — годы окончания войны, когда буржуазии приходилось преодолевать величайшие трудности? Эти две эпохи надо различать, и для точного определения понятия «стабилизации» необходимо иметь в виду оба момента. Если взять за исходный пункт довоенную эпоху, 1913 г. или начало 1914 г.,

можно утверждать, что за исключением Америки почти ни в одной из капиталистических стран довоенный уровень на все 100 проц. не достигнут. Капитализм ныне довольно близок к достижению этого уровня, но все же его не достиг. При этом, товарищи, надо иметь в виду, что население с 1913 года увеличилось. В так наз. «нормальное время» тем же темпом, каким растет население, должны расти и производительные силы. Но если взять за исходный пункт 1920 г., т.-е. эпоху окончания войны, то можно сказать, что во многих капиталистических странах наступила относительная стабилизация.

Однако мировая экономика—слишком сложное явление, чтобы можно было состояние ее в разные исторические периоды оценивать простыми количественными сравнениями. Если мы возьмем, например, мировую добычу угля в 1913 г. и в 1924 г., то увидим, на первый взгляд, необычайное благополучие: в 1924 г. каменного угля добыто на 24 миллиона тонн более, чем до войны. Однако всем вам известен невероятно жестокий кризис, которым охвачена английская каменноугольная промышленность, а вместе с ней и все народное хозяйство Англии. Затруднения с углем испытывают и другие страны. В чем же дело? Дело в том, что произошло, очевидно, какое-то перераспределение производительных сил по земному шару (это видно и из падения цифры мирового экспорта угля с 191,5 милл. тонн до 146,7 милл. тонн). Целый ряд стран-потребительниц угля стал, очевидно, питаться своим собственным углем или другими, вместо угля, видами энергии. Война, с ее разрывом международных экономических сношений, заставила многие страны перейти на более экономные, в смысле топлива, машины, на белый уголь, торф, нефть и т. д. Процент судов, ходивших на каменном угле, до войны равнялся 87 проц., а теперь он не более 65 проц.

Самое дробление Европы, с ее многочисленными таможенными границами, с ее протекционизмом, с ее все еще нестабилизированными валютами и неурегулированными долгами, не позволяет считать восстановительный процесс капитализма простым прямолинейным движением. А если мы вспомним еще, что произошел общий сдвиг мирового хозяйства в сторону Америки, что на наших глазах происходит децентрализация Британской империи, что, наконец, война вызвала к жизни мощное антиимпериалистическое движение на Востоке, то мы поймем, что «процесс стабилизации» оказывается не такой простой задачей капитализма. Она требует больших издержек, больших жертв с чьей-то стороны. За

счет кого же проделывается путь к этой «стабилизации», этому новому укреплению, «равновесию», которого капитализм достигнуть никак не может? По большей части за счет рабочей массы и широких слоев трудящихся.

Стабилизация за счет трудящихся.

В наших тезисах мы отметили два существенных источника стабилизации:

1) Сугубую эксплоатацию трудящихся.

2) Так называемую «помощь» Америки.

Буржуазная стабилизация достигается в разных странах при помощи различных методов. Среди этих методов надо различать: германский, заключающийся в так называемой «рационализации производства», т.-е. трестизации его, и в параллельно идущем процессе банкротств; здесь стабилизация достигается главным образом за счет рабочей массы и влечет за собою сокращение работы и безработицу, высокие цены, высокие налоги и т. п. Другой метод—английский, когда «стабилизацию» начинают, в интересах финансового капитала, но вопреки интересам промышленности, с валютного конца, в форме дефляции, стремясь фунт «пришпилить» к доллару, т.-е. стремясь во что бы то ни стало поднять его курсовую стоимость на высоту доллара; этот метод в конечном счете осуществляется опять-таки за счет трудящихся, создавая невозможность экспорта и безработицу, а в дальнейшем—понижение зарплаты. Об этом достаточно красноречиво говорит опять-таки Кейнс, которого я уже цитировал и буду цитировать еще неоднократно в своей книге: «Экономические последствия мистера Черчилля».

«Наша проблема сводится к снижению денежной зарплаты, а тем самым и стоимости средств существования, с той целью, чтобы, когда круг замкнется, реальная зарплата была так же высока или приблизительно столь же высока, как и раньше. Какими мероприятиями может достичь этого результата ограничение кредита?

Никаким иным путем, как заранее обдуманным усилением безработицы. Объектом ограничения кредита в таком случае явится лишение предпринимателей финансовых средств, необходимых для ведения работы на основе существующего уровня цен и зарплаты. Эта политика может добиться цели, лишь неограниченно обостряя безработицу, пока рабочие под давлением жестких мер не согласятся принять необходимое снижение денежной зарплаты.

Это так называемая «здоровая» политика, которой требуют

в результате опрометчивого акта поддерживания стерлинга на уровне золотого паритета».

Рабочие, под давлением жестких мер, должны принять снижение зарплаты. Такова английская система.

Французский метод—несколько иной: этот метод инфляции; временно он ударяет не столь сильно по пролетариату, сколь по мелкобуржуазным элементам, но и тут в конечном счете стабилизация достигается за счет трудящихся.

Наконец, американский метод стабилизации состоит во взимании высоких процентов по займам, когда последние выдаются, напр., Морганом, и в снижении этих процентов чуть не до нуля, чтобы сохранить платежеспособность должника, ежели получать по этим займам должно американское правительство. Так было в истекшем году с итальянскими займами: итальянское правительство будет платить американскому по своему военному долгу процент гораздо низший, чем оно же будет вносить Моргану за только что устроенный заем на «стабилизацию» в размере 100 милл. долларов. Другими словами—«великодушие» Америки по отношению к «стабилизирующейся» Европе происходит исключительно за счет американской мелкой буржуазии, рабочего класса и фермерства.

Этот вопрос, за чей счет производится сейчас «стабилизация», освещается и с налоговой стороны. В Англии в прошлом году налоги по сравнению с довоенными составляли 258 проц., в Соед. Штатах—195 проц., во Франции—293 проц., в Японии—192 проц. и т. д.

Чтобы наметка истинных контуров современной «стабилизации» капитализма была более или менее полной, надо привести еще пару существенных соображений.

Во-первых—безработица. Пять миллионов безработных в Европе—вот факт чрезвычайной важности. Для значительной части их безработица приняла хронический характер. Каждому известно, что в Англии царит хроническая безработица; совершенно ясно, что таково же будет теперь положение и в Германии. Весьма возможно даже, что приведенные цифры ее преуменьшены, это весьма вероятно. Хроническая безработица в Германии в размере от одного до полутора миллионов обещает быть явлением постоянным.

Вот цифры о безработице в главнейших странах:

Германия	2.500.000	чел.
Англия	1.500.000	„
Польша	400.000	„
Австрия	200.000	„
Чехо-Словакия	100.000	„

Другим важнейшим моментом является вопрос о заработной плате.

Официальная статистика по отдельным странам дает преувеличенные цифры, профессиональные же организации если и занимаются этим вопросом, то охватывают своей статистикой лишь отдельные категории рабочих, часто отдельные районы страны, в результате—ни об одной стране нельзя дать точных данных. Нижеприводимые данные необходимо считать поэтому приблизительными.

ДВИЖЕНИЕ РЕАЛЬНОЙ ЗАРПЛАТЫ В ГЛАВНЕЙШИХ СТРАНАХ МИРА.

Принимая 1913 г. за 100, мы получаем:

Годы	С.-А.С.Ш.	Англия	Франция (плата углекоп. за смену)	Германия	Италия	Балканы (Румыния, Болгария)
1923 г. мес. сред.	116,8	97,1	97,3	62,2	—	В этих странах зарпла-
1924 „ „ „	126,8	97,3	96,3	71,2	97,7	та в 1925 г. не превы-
1925 „ „ „	128,1	99,1	91,7	75,1	99,7	шает 50% дов. уров.

В итоге *5 миллионов безработных, низкий уровень зарплаты, усиление налогового пресса и рост задолженности Европы Америке и т. д.*, и т. п.,—вот «цена стабилизации». Мы имеем полное право сказать, что стабилизация в том виде, как она есть, даже когда она укрепляет частично (и лишь на некоторое время) буржуазный строй, достигается при помощи таких методов, которые, по существу, равносильны революционизированию положения.

Если мы возьмем важнейшие страны и проанализируем вкратце, что произошло в них с того момента, когда мы впервые здесь произнесли слово «стабилизация», то мы увидим, что уже в передовой стране Европы, в *Англии*, налицо определенное ухудшение. Правда, в самые последние месяцы заметно некоторое улучшение на фоне общего понижения хозяйственной кривой; однако, в общем и целом, положение Англии в 1925—26 г. продолжает ухудшаться.

Новая черта в существующем положении заключается в том, что кризис перебросился еще в одну страну, притом тоже страну-победительницу — *Францию*. Франция переживает длительный, неуклонно запутывающийся, затяжной социально-политический и финансовый кризис.

Наконец, резко изменилась картина в *Германии*, где еще год тому назад дело обстояло как будто блестяще. Для многих перелом был внезапным, но, по существу, его следовало ожидать. Там мы также имеем дело с резким

кризисом, с лавиной банкротств, с сильной безработицей,— а ведь результаты применения плана Дауэса только начинают сказываться. План Дауэса в Германии до сих пор почти еще не проявлял себя. Это пока еще цветочки,—ягодки впереди. Лишь в этом году Германия начнет ощущать результаты Дауэса. Это—в-третьих. И, в-четвертых, Польша,— там почти полная хозяйственная катастрофа. А Польша очень важна, ибо она является центром, где скрещиваются влияния Англии, Франции и Америки, ибо она—промежуточный пункт между Германией и СССР.

III. В отдельных странах капитализма.

Америка.

До войны антагонизм между Англией и Германией был решающим фактором. Сейчас решающим моментом все больше становится антагонизм между Америкой и Англией. Но не надо изображать дело так, как это иногда делается: будто бы Европа по сравнению с Америкой является каким-то пигмеем. Это не так. Уже потому не так, что Европа имеет населения втрое больше, чем Америка. Европа имеет 350 миллионов человек, в том числе более 100 миллионов рабочих, в то время, как Америка имеет лишь 115 миллионов населения. Уже одно это обстоятельство что-нибудь да значит. Этого антагонизма не надо преувеличивать, но не надо и недооценивать.

Не следует преувеличивать того факта, что Америка теперь вывозит в Европу огромные капиталы. Конечно, капиталы она вывозит, но цифры экспорта капиталов сами по себе еще не решают вопроса. Я вспоминаю о книге тов. Ленина «Империализм», где приведены цифры экспорта капиталов из Европы (до войны),—цифры, порою гораздо более внушительные, чем нынешние цифры вывоза из Америки. Теперь началось обратное явление. Достаточно было одного десятилетия, чтобы произошла столь радикальная перемена. Но не следует и недооценивать этого факта. Не следует, прежде всего, забывать, что здесь возникают противоречия между Англией и Америкой, которые все более становятся решающими.

Приведу несколько цифр. Национальный доход Соединенных Штатов составляет ежегодно 60 миллиардов долларов. Из 0.720 милл. долл. мирового золота 4.545, т.-е. почти половина, в 1924 г. принадлежала Америке. Теперь, если не оши-

баюсь, 60 процентов. Европа вся в долгу у Америки. Последняя может теперь позволить себе роскошь совершенно открыто диктовать свои политические директивы тем, кому она предоставляет займы. Самым ярким примером этого является, пожалуй, недавний заем Бельгии; тут Америка совершенно открыто диктовала политические условия Вандервельде и его правительству, требуя сокращения армии, сокращения бюджета, создания условий наибольшего благоприятствования для данного займа.

В мировой продукции важнейших материалов Соединенным Штатам принадлежит колоссальная доля: 43,3 проц.—по каменному углю, 47,6 проц.—по чугуну, 49,3 проц.—по стали, 70,9 проц.—по нефти, 50 проц.—по хлопку и т. д. Не надо конечно, думать, что эта ступень есть уже прочное завоевание американского хозяйства. Нет, послевоенные годы с их быстрыми сменами промышленных кризисов и подъемов дают колеблющиеся кривые. За последние три года происходило снижение доли Соед. Штатов в мировой продукции названных предметов (по углю—на 8 проц., по чугуну—на 16 проц., по стали—на 12 проц. и т. д.). Не исключена возможность и дальнейшего сокращения этой доли. Но тем не менее она остается колоссальной. Америке нужна стабилизированная Европа, стабилизированное мировое хозяйство,—иначе она чувствует свои дела не совсем устойчивыми, несмотря на все свои богатства. Другими словами: слабость успехов мирового капитализма по части стабилизации ударяет другим своим концом по Америке, может быть, не так сильно, но все-таки ударяет. Это сказывается и в колебании производства, отражается и в международной торговле, и в области международных договоров и долгов, и в вопросе экспорта капитала.

Соед. Штаты—лишь одно из звеньев мирового капитализма в целом (хотя и самое сильное звено). Поэтому болезни мирового капитализма, сводящиеся в конечном счете к одному — к отсутствию настоящей стабилизации, будут вносить самые серьезные коррективы в гегемонию Америки.

В заключение должен напомнить, что в Америке наблюдаются симптомы нового аграрного кризиса и в связи с этим пробуждается движение в пользу лэборпарти. Положение верхушки рабочих не плохое, но значительные слои неквалифицированных рабочих живут не сладко. Прочтите, например, статью такого человека, как Персель, который описывает свое путешествие в Америку. Он много там видел и констатирует, что большинство рабочего класса находится в довольно трудном положении. Широкие массы неквалифицированных рабочих живут довольно скверно. С тем фактом, что Америка

является теперь гегемоном, с тем фактом, что противоречие между Америкой и Англией приобретает решающее значение, с этим фактом надо считаться, ибо он предопределяет наши дальнейшие решения.

Англия.

Перейдем к Англии. Здесь положение совсем иное. Потеря привилегированного положения на мировом рынке— факт. Я сошлюсь на такого высокопоставленного человека, как Джордж Харвей, бывшего американского посла в Англии, теперь редактора «Северо-Американского Обозрения», одного из влиятельнейших экономических журналов в Америке. В статье «Опасное положение в Англии», помещенной в этом журнале в конце 1925 г., он дает такую оценку экономическому положению Англии:

«Пора Англии, как производительницы товаров, прошла. Ей остается выполнять лишь функции «посредника» или промышленного посредника между производителем сырья и потребителем готовых фабрикатов, при чем ей становится все труднее и труднее конкурировать с другими, так как ей приходится считаться с огромными расходами по перевозке».

Далее Харвей ссылается на заявление в английской прессе председателя бюро управления федерации британской промышленности Аллан Смита:

«Мы таким образом, пришли к такому состоянию, что необходимо будет подумать о ликвидации нашего национального достояния и начать жить на капиталы. Если что-либо во-время не будет предпринято для оживления внешней торговли, мы придем к национальному банкротству».

Когда сами же английские капиталисты начинают говорить о ликвидации своего национального достояния и о национальном банкротстве, то это серьезный аргумент в пользу того, что кривая капиталистического развития в Англии идет резко вниз.

Харвей заканчивает свою статью призывом к Америке помочь прародительнице англо-саксонских народов.

«Если говорят,—пишет он,—что мы должны помочь всему миру, то в первую очередь мы должны подумать об Англии. Во имя общности расы Соед. Штаты должны поставить вопрос об Англии на втором месте, после вопроса о своей собственной стране».

Как «помогают», однако, американцы своей англо-саксонской сестре, видно хотя бы на примере одного из британских владений—Канады, которая за последнее время почти пере-

стала быть британским владением. Я на этом останавливался на прошлой сессии Исполкома. Приведу сейчас лишь несколько цифр относительно вложения капиталов Соед. Штатами и Англией в Канаду.

До войны. За период в 14 лет (1900—1913 г.г.) инвестиции, вложения иностранного капитала в Канаде выражались в следующих цифрах:

Великобритания.	Соед. Штаты.
В долларах.	
1.753.118.000	627.794.000
Пропорция 3 : 1.	

«Прочие» страны инвестировали сравнительно ничтожную сумму—162.715.000 долларов.

К настоящему времени инвестиции Великобритании и Соед. Штатов в Канаде почти сравнялись—на долю той и другой страны приходится по 2½ миллиарда долл., т.-е. пропорция изменилась до соотношения 1 : 1.

Самый характер вложения капиталов тою и другою страною различен. Британские инвесторы находятся в Канаде в отношении рантье (держателей ценных бумаг, получающих только проценты), американские—в отношении предпринимателей, получающих не только процент, но и предпринимательскую прибыль.

В происходящем на наших глазах процессе расчленения Британской империи американские «англо-саксы» принимают самое активное участие. Общность англо-саксонских интересов все более ставится под сомнение, и прекрасные слова о помощи «прародительнице» англо-саксонских народов не мешают последней итти навстречу жесточайшему хозяйственному потрясению.

Однако, не следует полагать, что речь идет о кратчайших сроках, что через несколько месяцев в Англии будет революция. Основной вопрос сейчас в том, что тенденция развития, которая еще год тому назад была недостаточно выпукла, теперь рисуется вполне отчетливо. При этом я должен подчеркнуть, что английская буржуазия, консервативная буржуазия, все еще носится с планом войны против Советского Союза. Вы знаете статью, напечатанную в февральской книжке английского журнала «Фортнайтли Ревью» (двухнедельное обозрение), принадлежащую перу г-на Авгура. Говорят, что этот г-н Авгур близко стоит к г-ну Чемберлену, министру иностранных дел Англии. Он пишет:

«Если Советы не используют того шанса, который им сейчас предоставляется, не используют возможности присоединиться к концерту европейских народов; если они пренебрегут необходимостью доказать наличие у них желания достигнуть мирного соглашения, то они неизбежно будут извергнуты из семьи европейских народов, и в случае дурного поведения сделают себя объектом применения защитных мер, которые в целях защиты мира будут немирными».

Это звучит почти ультиматумом.

Какие мероприятия называют «немирными»? Я думаю, мероприятия военные! Да услышат это все английские рабочие! Все они должны понять, что теперь, когда английской буржуазии не по себе накануне конфликта с горняками, она снова носится с планом чуть ли не военного выступления против СССР. Я полагаю, что теперь мы в первую очередь должны, если мы хотим быть мировым Интернационалом, понять основное различие в положении пролетариата этих обеих стран...

Попытки „американизации" рабочего движения.

В Англии мы наблюдаем развитие рабочего класса в благоприятном для революции направлении, в Америке оно имеет реакционный характер. Лучшим доказательством этого являются следующие два документа, один из которых свидетельствует о революционизировании английского рабочего движения,—я подразумеваю резолюцию, принятую на конгрессе в Скарборо, резолюцию об империализме, в которой выдвинут лозунг: «право всех народов Британской империи на самоопределение, включая право полного отделения от империи» [1]). Надо хоть несколько знать историю английского рабочего движения, чтобы оценить значение этого

---

1) Конгресс тред-юнионов считает, что господство британского правительства над небританскими народами является формой капиталистической эксплоатации в целях обеспечения британских капиталистов: 1) дешевыми источниками сырья; 2) правом экслоатации дешевой и неорганизованной рабочей силы и использования конкуренции этой рабочей силы для снижения уровня жизни рабочих в Великобритании.

Конгресс заявляет о своей полной оппозиции империализму и постановляет: 1) поддерживать рабочих во всех частях Британской империи в организации тред-юнионов и политических партий для своих интересов и 2) поддерживать право всех народов Британской империи на самоопределение, включая право полного отделения от империи.

Резолюция принята 3.082.000 голосов против 79.000. („Дейли Геральд", 14/IX—25).

факта. Все мы знаем, что в Англии долго господствовал т. н. «рабочий империализм», что колониальные сверхприбыли английского капитализма являлись той почвой, которая взрастила рабочую аристократию, и если перед нами резолюция, принятая конгрессом профсоюзов и звучащая вполне по-ленинистски, то это доказывает, что развитие английского рабочего движения идет революционным путем.

Второй документ касается Америки. Он превосходно вскрывает основу современного рабочего движения в Соед. Штатах. Речь идет о воззвании Американской Федерации Труда ко всем американским рабочим, принятом в октябре 1925 г. на конференции в Атлантик Сити. Там говорится:

«Американская Федерация Труда твердо и неуклонно стоит за демократизм, за право народа управлять и распоряжаться своей собственной судьбой при посредстве своего собственного политического аппарата.

Американская Федерация Труда со всем пылом чистого идеализма выступает против деспотизма, бюрократизма и диктатуры, независимо от того, носят ли они насильственный или благодетельный характер.

Американская Федерация Труда самым энергичным образом выступает против революции и применения насильственных мер там, где существует демократизм, и где народ имеет возможность менять свое правительство при посредстве данных ему конституцией прав.

Американская Федерация Труда порицает философию коммунизма, которая является атрибутом сов. правительства и лежит в основе структуры и политики его.

Американская Федерация Труда выступает против философии и догмы коммунизма и против существующей в этой несчастной и угнетенной стране диктатуры.

Американская Федерация Труда объявляет вражду не оборонительного, а самого энергичного и наступательного характера.

Американская Федерация Труда требует от правительства Соед. Штатов, чтобы оно оставалось на своей позиции непризнания сов. режима. Мы приветствуем наше правительство за его мужество, за то, что оно придерживается основных принципов демократизма и не поддается влиянию ни дипломатических интриг, ни капиталистической эксплоатации.

Американская Федерация Труда будет неустанно выступать против ведения какой бы то ни было формы коммунистической агитации в Соед. Штатах и на Западном полушарии, и гордится обещанием организованных рабочих Мексики совместно с нами работать в этом направлении.

Американская Федерация Труда заявляет, что как структура, так и принципы ее основаны на демократических началах. Деспотизм и демократизм не могут сочетаться. Капитулировать перед врагом—это значит действовать на руку врага.

Американская Федерация Труда предлагает и впредь принимать соответствующие меры для того, чтобы защищать свою неприкосновенность против развращающих, разлагающих и разрушающих доктрин коммунизма, а также всеми силами защищать от их вредного влияния демократические учреждения нашей республики. Мы стоим за Америку, за демократическую Америку и мы желаем, чтобы весь мир это осознал».

Это воззвание принято от имени всего конгресса Американской Федерации Труда, и это, товарищи, я думаю, лучше всего иллюстрирует то ханжество и ренегатство «рабочих» вождей, которое они елейно пытаются прикрыть «высокой» философией о демократии, «чистом идеализме», праве народов управлять и распоряжаться своей судьбой и т. п. Соед. Штаты теперь обетованная страна реформизма. «Американские» методы кое-где начинают пересаживать на европейскую почву. У меня такое ощущение, что западно-европейские товарищи еще не вполне сознают, какую роль будет играть эта «американизация». Мы уже видим, что германская социал-демократия противопоставляет Америку Советскому Союзу. В Германии уже насаждают рабочие банки и т. д. Там выдвигают лозунг фордизма, который становится идеалом германской социал-демократии—взамен марксизма. Пока, повидимому, это наблюдается лишь в Германии, но мы должны, товарищи, понять, что в ближайшем будущем эта «американизация» пойдет и дальше. Будет сделана попытка насадить так называемые американские методы во всех странах с развитым рабочим движением. Пропаганде в пользу Советского Союза будет противопоставлена пропаганда в пользу империалистической Америки. И, товарищи, не следует недооценивать—многое говорит за то, что у этих господ будет возможность разнести свой товар по всей Европе.

В Америке действительно существуют крупные рабочие банки (до 40 банков с капиталом в 200 миллионов долл.), которые, разумеется, находятся в полной зависимости от банков крупной буржуазии и организационно с ними связаны. Делается попытка изобразить это явление как начало новой эпохи рабочего движения, когда капиталист и рабочий, объединившись в реализации коммерческих выгод от акционерных предприятий, без всяких социальных потрясений поведут

человечество по новому пути. Так, почти в каждом номере органа Американской Федерации Труда мы находим целую страницу объявлений рокфеллеровского нефтяного треста с кричащим заголовком: «Кто такие капиталисты в Стандарт-Ойль-Компани?»

Ответ гласит: «Это 49.000 акционеров, в том числе 14.000 служащих; к мелким акционерам принадлежат рабочие, служащие, вдовы, сироты, использующие таким образом свои сбережения,—быть может в их числе находится и ваш молочник или ваша прачка».

А в конце говорится: «И это называют капитализмом! Капитализм ли это?»

Итак, это должно называться «социализмом». В органе Американской Федерации Труда мы, например, можем увидеть рекламный плакат рабочего банка: «Рука, заполняющая этот банковый чек, управляет миром. Рабочие могут сами управлять миром, если они понесут свои сбережения в эти банки».

В «Нью-Йорк Уорлд» от 3 января с. г. помещена весьма любопытная статья Ф. Бона под заглавием: «Рабочие начинают уделять банкам больше внимания, чем избирательным урнам».

«Мы замечаем,—пишет он,—например, развитие рабочих банков. Один только союз жел.-дор. машинистов владеет 16 банками. Их главный банк, находящийся в Кливленде, в штате Огайо, имел к концу прошлого года свыше 23 млн. долл. вкладов. Этот банк одолжил деньги отделу союза «Юнайтед Майн Уоркерс» в Бергхольце для создания кооператива шахтеров. В результате 110 шахтеров заплатили за свою шахту 270.000 долл., акции были распределены поровну между этими углекопами. Вот краткая заметка из «Америкен Лейбор Нир Бук» об успехах этой кооперативной шахты: «В два месяца было получено 14.000 тонн угля, продано угля на 25.000 долларов. Благодаря высокому качеству и внимательной подготовке для рынка, уголь легко находил сбыт в Кливленде по ценам выше обыденных. С ростом требований на уголь и с усилением выработки количество рабочих увеличивается. Каждый из вновь принятых на работу становится членом кооператива и получает свою долю акций, ценность которых в настоящий момент достигает 2.500 долл. на человека. Заработная плата по ставкам союза доходит от 30 до 50 долл. в неделю уже после того, как сделаны вычеты на покрытие процентов и капитала».

Исходя из этого факта, Бон приходит к следующему выводу: «Марксистский социализм неприменим в американских условиях. Марксизм заявляет, как «научный факт», что «ме-

жду рабочим классом и капиталистами не может быть ничего общего», что между ними должна вестись классовая война, пока тот или иной не будет уничтожен. Кроме того, так как рабочие не имеют собственности, у них нет также и отечества. Лозунгом марксистов было: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих цепей»...

«Чтобы резюмировать, можно сказать, что наши рабочие пришли к выводам, что переход политической власти в их руки еще не обеспечивает им улучшения их экономического положения, так как американский политический строй не приспособлен к управлению экономическими предприятиями. Рабочие и фермеры нашли, что единственно правильным является путь углекопов Берхгольца».

Увлечение рабочими банками начинается и на Европейском континенте, в первую очередь в Германии. Немецкие социал-демократы пытаются теперь пустить в ход бернштейновскую теорию о мелких капиталистах. В Америке срастание профсоюзов с капитализмом становится совершенно очевидным, вожди американской конфедерации открыто говорят уже о «теории Монроэ» в применении к рабочему движению. Существуют уже обширные смешанные профсоюзы работодателей и рабочих. Это движение начинает носить систематический характер.

Через участие рабочих, как мелких акционеров, уничтожить капитализм! Старая история! Вспомните, что писал Каутский, когда он был еще марксистом, против Бернштейна; что писали Гильфердинг и Роза Люксембург об этой «теории». Быть может, было бы уместно составить сборник по этому вопросу, чтобы все это освежить в памяти.

Если в Англии мы являемся свидетелями революционизирования рабочего класса, обусловленного объективным положением, если предпосылки развития рабочей аристократии там исчезают, то в Америке мы имеем дело с обратным явлением.

Что такое Американская Федерация Труда? Говоря по существу, это организация рабочей аристократии. В Америке имеется более 4.000.000 квалифицированных рабочих, а в Американской Федерации организованы лишь 2.800.000 человек, в том числе, разумеется, и некоторое количество неквалифицированных рабочих. Таким образом, при 30 млн. рабочих имеется лишь 2½ миллиона организованных рабочих. Разумеется, это сливки рабочей аристократии, как правильно выразился тов. Пеппер, — рабочая аристократия в рабочей аристократии.

Это и есть социальная почва реформизма в Америке.

В эпоху, когда в Англии объективные предпосылки для расцвета рабочей аристократии исчезают, в Америке условия благоприятные для процветания рабочей аристократии создаются и укрепляются. Эти новые американские методы пересаживаются и в другие страны, и с этим мы должны считаться.

Мы становимся теперь мировым Интернационалом. Рабочее движение все более и более разрастается. Западноевропейские рабочие посылают делегации в СССР, социал-демократы посылают своих вождей в Америку. В Америке уже была социал-демократическая профсоюзная делегация, которая тотчас нашла общий язык с американскими профсоюзами. Один из влиятельнейших членов германского профсоюзного движения Тарнов заявил на американском конгрессе Федерации Труда: «Большевизм—хорошая религия для голодных и отчаявшихся людей». Разумеется, американские делегаты, «отъевшиеся» вожди (как их там называют) Федерации, согласились с этим. В «Нью-Йорк Таймс» вы можете прочесть, что американский рабочий класс вступил в новую эпоху. «Профсоюзы этой страны положили официально конец безответственным методам борьбы... и очистили путь к совместной работе с предпринимателями для разрешения проблемы промышленности к обоюдной выгоде». Итак, в тот момент, когда в Германии эти новые мелодии только начинают прививаться, в Америке они строятся на довольно реальных факторах. Мы безусловно стоим в С. Америке перед длительным периодом расцвета рабочей аристократии и ее идеологии.

Я думаю, что все наши партии теперь заинтересованы в том, чтобы изучить эту новую идеологию. Что сегодня говорится в Америке, то завтра попытаются говорить в Чехо-Словакии, Германии и т. д. Если мы теперь захотим понять, что в сущности представляет собой реформизм, если мы захотим заглянуть в глубины его души, увидеть его сокровенную сущность, прочесть его затаенные мысли, то мы должны изучить идеологию именно американского движения.

Франция.

Перейдем к Франции. Новый момент в политической ситуации текущего года заключается в том, что Франция—страна, принадлежащая к победителям, — вступила в кризис. Это не только финансовый кризис, как думают некоторые товарищи. Это кризис экономический, политический, а следовательно, и социальный.

Французский кризис имеет свои корни во всей послевоенной экономике Франции. Его причины—в авантюристической политике, которую вела Франция в период оккупации Рура. Франция, игравшая роль всеобщего кредитора, сама становится должником. Роль политического вожака Европы она должна была уступить другим более мощным буржуазным странам. Эти причины в первую очередь отражаются на нынешнем внутреннем положении Франции, они показывают, что кризис не является только финансовым.

С другой стороны, мы не считаем правильным утверждение, что нынешнее положение во Франции можно сравнить с тем положением, какое было в Германии в октябре 1923 года. Это была бы чрезмерно оптимистическая, не соответствующая действительности оценка. Мы не должны утрачивать представления о темпе движения; положение следует видеть в его настоящем свете. Мне, кажется, что во Франции теперь самая благоприятная обстановка для того, чтобы пролетариат начал играть руководящую роль.

Во Франции сейчас развертывается борьба между крупной и мелкой буржуазией. Крестьянство, мелкие рантье вследствие инфляции и тяжелых налогов, на $^5/_6$ экспроприированы: они находятся сейчас в таком положении, что если мы сумеем действовать разумно, то рабочее движение получит мощный толчок к дальнейшему развитию. Поэтому я говорил в своем вступлении, что французская партия переживает время, когда она, взяв правильную линию, может сделать большой шаг вперед; она сможет взять на себя руководство не только всем рабочим классом, но оказать влияние и на широкие слои городской мелкой буржуазии и крестьянства. Для буржуазии нет выхода.

У меня и здесь есть письмо г. Кейнса. Он чувствует себя, как человек, имеющий патент на изобретения, которые должны спасти буржуазные правительства всего мира. Кейнс написал письмо французскому министру финансов относительно французского франка. Интересное письмо. Кейнс говорит: как мне помочь вам изжить кризис? Наилучшее средство—конфискация капиталов. Но это несправедливо и т. д. Было бы хорошо сократить заработную плату, но и это может привести к кризису. Наиболее болезненный исход—повышение цен на продукты первой необходимости. Это было бы относительно легко провести. Я советую министру финансов итти этим путем. На этот путь французская буржуазия вступит и уже вступила. И если наша партия это предусмотрит и скажет, то массы к ней будут прислушиваться.

У французской буржуазии нет способа изжить кризис, кроме тех средств, которые должны вызвать его обострение. Если она захочет притти к соглашению с Америкой,—а она должна захотеть этого, так как задолженность ее очень велика,—то и это средство окажется для буржуазии недостаточным. Я думаю, что Франция—та страна, в которой сейчас замедленный темп кризиса скоро сменится более быстрым темпом. И совершенно ясно, что, пожалуй, через полгода мы сможем говорить об обострении положения во Франции и об успехах нашей партии, если она сумеет организовать и повести широкие массы. Страна, которая еще недавно представлялась кое-кому буржуазным раем и которая сейчас еще извне кажется таковым, эта страна находится сейчас на пороге обострения кризиса, и дальнейшие события в ней будут вторить постепенному революционизированию Англии.

Кризис во Франции во всей своей остроте разыграется в тот момент, когда крупная буржуазия откажется от инфляции. Она не хочет еще от нее отказаться, так как инфляция для буржуазии выгодна. Инфляция спасает французских капиталистов от кризиса сбыта и дает возможность крупному капиталу расти за счет разорения мелкой буржуазии. Буржуазия попытается сохранить этот лакомый кусок по крайней мере еще несколько месяцев и, когда она, наконец, вынуждена будет уступить, лишь тогда скажется настоящий кризис.

Франция находится в своеобразном положении. При наличии финансового и политического кризисов в ней почти совершенно нет безработицы. Даже те 2 милл. иностранных рабочих, которые пришли во Францию в первые послевоенные годы, имеют заработки. С нарастанием кризиса и при отказе от инфляции буржуазия вынуждена будет сжать промышленность и выбросить в первую очередь за борт эти два миллиона иностранных рабочих, чтобы спасти положение.

Отсюда для нашей партии вытекает еще одна важная задача. Необходимо эти 2 милл. рабочих взять под влияние нашей партии. К сожалению, наша партия в этом направлении мало работала. Через полгода может начаться отлив этих рабочих в Испанию, Италию, Польшу, различные страны, где нужда велика, где положение является объективно революционным. Если мы—подлинный Интернационал, то мы должны суметь подготовить эти 2 миллиона рабочих. Они могут стать для нас двумя миллионами агитаторов и организаторов пролетарской революции во всех странах.

Нынешнее положение Франции создает вполне благоприятные объективные условия для развития коммунистического рабочего движения. Мелкобуржуазное правительство, олицетворяемое левым блоком, показывает всему населению, как оно обворовывает мелкобуржуазные элементы и дает классический пример парламентского одурачивания своих избирателей. Если реформизм мы должны изучать в Америке, то процесс загнивания и предательскую сущность мелкобуржуазных партий, руководимых Брианами и Эррио, этот «классический» буржуазный республиканизм мы должны изучать во Франции. Там мы должны на наглядном примере показать рабочим всего мира, что представляет собою «левый» блок, если руководство фактически находится в руках крупной буржуазии. «Демократизм» какого-нибудь Бриана мы должны разоблачить перед пролетариатом всего мира.

Французский рабочий класс не имеет прочных организационных традиций. У него не было больших партий, сильных профсоюзов, но зато он имеет великие традиции революционной борьбы. Тов. Ленин не раз говорил, когда мы жили еще во Франции, что французские рабочие когда-нибудь сделают революцию, «сами того не заметив». Организационные традиции во Франции слабы. Мы во Франции организовали в профсоюзы лишь 10 проц. рабочих. Это позор! Наступил, наконец, момент, когда мы должны организовать по меньшей мере 25 проц. Несмотря на отсутствие организационных традиций во французском рабочем классе, там имеются традиции революционные, и при том обострении кризиса, которое неминуемо должно наступить, от Франции можно ждать многого.

Германия.

Перейду к вопросу о Германии. Теперь пытаются сравнивать нынешнее положение в Германии с тем, которое было там в 1923 г. Это, конечно, тоже преувеличенная оценка остроты положения. Но, товарищи, надо сказать, что если бы нас спросили в марте 1925 года, на V расширенном ИККИ, возможно ли, чтобы в феврале 1926 г. положение в Германии обострилось до такой степени, как мы наблюдаем это сейчас, никто не ответил бы положительно. Ведь все мы полагали, что 2—3 года относительной стабилизации обеспечены, а некоторые представители ультра-левых предсказывали даже десятилетие. (Возглас Шолема: «Кто именно?»). Это сказал Маслов. Он говорил, что при-

дется ждать по меньшей мере десятилетие. Мы рассчитывали на 2—3 года относительной стабилизации. Но противоречия капитализма так велики, что, несмотря на всю его эластичность,—а в этом германскому капитализму отказать нельзя: он очень эластичен, он многому научился, благодаря версальскому миру, благодаря германской революции 1918 года, благодаря отчасти и нашей революции,—и все же мы в Германии видим такое ухудшение положения, какого мы даже не ожидали. Но я считаю, что величайшей опасностью для нас было бы, если бы мы преувеличили темп нарастания революции в Германии. Я думаю, товарищи, что там еще нет налицо непосредственной революционной ситуации. Отнюдь нет! Нам не нужны иллюзии. Поэтому никаких уступок ультра-левым. Борьба против них! Именно в этом положении, когда люди склонны к преувеличению, можно потерять голову и даже, не желая этого, погубить партию. Вот в чем опасность «ультра-левой». Мне кажется, эта опасность ясна для всех. В Германии будет теперь хроническая безработица размером в 1—1½ млн. безработных. Если Германия даже в этом году, быть может, весной 1926 года временно выйдет из полосы такого тяжелого кризиса, если там даже будет разрешен парламентский кризис,—хотя я не вижу, каким путем он может быть разрешен, как они выберутся из этой трясины,—и то положение в Германии неизмеримо благоприятнее для работы нашей партии, чем мы могли еще недавно предполагать.

Мы должны вписать в актив революции все, что говорит в нашу пользу, соблюдая, однако, полное спокойствие и трезво учитывая, что не исключена возможность и улучшения капиталистической конъюнктуры в Германии. Если бы не сегодня-завтра в Германии суждено было повториться Октябрю 1923 года, неужто вы полагаете, что Америка останется безучастной к судьбе Германии, куда ею вложено столько капитала? С другой стороны, ясно, что, вопреки желанию Америки, Европа революционизируется. С одной стороны, Америка Европу «стабилизирует» — в ковычках, с другой стороны, она ее революционизирует, — без ковычек. Учитывая темп того и другого процесса, мы можем определенно сказать, что на первых порах Америка не оставит своих забот о судьбе Германии; она еще попытается однажды или дважды ее спасти. Недооценивать этого явления не следует, но надо учитывать и то, что по сравнению с 1925 г. ситуация в Германии в данный момент более революционна.

Восток.

Останавливаться на других странах я сейчас не стану. Еще несколько слов о **Востоке**. У нас такое убеждение, что мы добились там многого. И это верно. Я уже говорил, что половину нашего внимания мы должны уделять восточным вопросам, так как мы—мировая партия, мировой Интернационал. Но есть «левые» преувеличения и в этой области. Меня не удивляет, когда попавший к нам в разгаре боев в своей стране китайский революционер воображает, что говорит от имени всего китайского народа. На самом же деле это еще не так.

Опорными пунктами для нас явятся, должны явиться и **южно-американские** страны. Я коснусь этого лишь в нескольких словах. Совершенно ясно, что вскармливающие рабочую аристократию Северо-Американские Штаты, зажавшие в кулак всю Европу, живут не одними колониальными, полуколониальными и европейскими сверхприбылями, но и южно-американскими странами. Мы еще не привыкли смотреть на южно-американские государства, как на угнетенные страны, но объективно их роль именно такова.

Нам незачем, разумеется, тешить себя иллюзиями и терять голову. Наши успехи чрезвычайно велики. I Интернационал—Интернационал Маркса—не дерзал и мечтать о подобных связях на Востоке. Если гоминдановская партия численностью в 400.000 членов, партия, которую историческое «завтра» поставит у власти во всем Китае, идейно солидаризируется с нами, это уже крупный успех. В прежнее время пролетарские революционеры не смели об этом мечтать.

При этом немудрено потерять голову. Но Коммунистический Интернационал не должен поддаваться никаким иллюзиям. Успехи СССР, строящего социализм, роль его в современном рабочем движении, престиж его во всем рабочем классе,—все это огромные успехи, при которых, разумеется, немудрено потерять голову. К числу таких успехов мы должны отнести и нарастающее движение народов Востока.

Подумайте, какая большая работа нам еще предстоит: ведь мы на Востоке сделали только первые шаги. Наилучшим подтверждением правильности ленинизма, если говорить о новейших факторах мирового исторического значения, служит в нашу эпоху объединение национально-револю-

ционного движения с пролетарским. Это слияние двух революционных потоков гарантирует нам победу.

Мы делаем первые успехи и в области рабочего движения на Востоке, где идет широкий процесс индустриализации. Этот процесс имеет огромное историческое значение. Если нам удастся завоевать колонии на сторону социализма и повести их за собой раньше, чем там созреет и окрепнет своя буржуазия, тогда мы сумеем избежать там капиталистического этапа. Но исторически не исключена и другая перспектива. В силу этого мы должны придавать особенно большое значение наличию организованного ядра рабочего класса в странах Востока.

Хуже всего для рабочего движения пока обстоит дело в Японии. Мы должны принять меры к развертыванию там массового движения. Такая возможность имеется. И мы должны во что бы то ни стало ее использовать.

Наша оценка верна.

Беря текущее мировое положение в целом, мы, не преувеличивая, совершенно хладнокровно, без всякой переоценки должны признать правильным тот анализ, который был сделан нами в прошлом году.

Мы исходили тогда из возможности двух перспектив и строили свою тактику применительно как к более медленному, так и к более быстрому темпу развития революции. В каждом отдельном случае, мы, разумеется, вынуждены были исходить из перспективы более медленного развития, применяя гибкую тактику с тем, чтобы суметь внести необходимые коррективы при намечающемся ускорении темпа. Весь ход событий нас в основном оправдал. Развитие в Англии, Франции, Германии и Польше, все развитие на Балканах и в Средней Европе, Востоке и в СССР опрокинуло все возражения наших противников и доказало правильность нашего анализа и отсутствие каких бы то ни было оснований для пессимизма.

В Америке рабочее движение, вероятно, еще в течение целого ряда лет будет находиться в тяжелых условиях. Американские новые реформистские методы переносятся в Европу. С этим приходится считаться.

Если взять картину в целом, то окажется, что постепенно из оборонительного положения, в каком мы исторически очутились на время в ряде стран, мы готовимся перейти в наступление.

IV. Борьба за единство и новые факторы в рабочем движении.

Один из заветов Ленина Коминтерну.

Перехожу к тактической части своего доклада. Разрешите мне и на этот раз взять в качестве руководящей нити слова тов. Ленина. Это будет лучшим прологом к теме. На III всемирном конгрессе тов. Ленин говорил:

«Кто в Европе,—где почти все пролетарии организованы,—не понимает, что мы должны завоевать большинство рабочего класса, тот потерян для коммунистического движения, тот никогда ничему не научится, если он в течение 3 лет великой революции еще не научился этому» [1]).

Думаю, что весьма уместно сейчас напомнить эти слова. Я уже сказал, товарищи, что лозунг «единства рабочего класса», т.-е. завоевания большинства его, является сейчас важнейшим «звеном» в цепи. Я вспоминаю статью Макса Адлера, посвященную смерти Ленина и появившуюся на страницах «Кампф». Отдавая в ней должное Ленину, Макс Адлер открыто заявляет, что настоящий социалистический дух живет только в большевизме, что во II Интернационале царят реформизм и бюрократизм и пр., но он считает величайшей ошибкой Ленина допущенную им якобы переоценку революционных сил мирового пролетариата. В своей статье Адлер говорит об этой «ошибке»:

«Это была прежде всего ошибка в переоценке революционной силы мирового пролетариата, который, благодаря тогдашней слабой осведомленности о мировых событиях, казался ему действительно подготовленным; впрочем, это тогда не он один предполагал, вследствие русской пролетарской революции и лихорадочно ускоренного войной возмущения пролетариата во всех других странах».

Если бы этот упрек был правилен, он означал бы, что почва, на которой стоит III Интернационал, вся гнилая. Но этот упрек неправилен. Дальше Макс Адлер заявляет (это заявление меня больше всего интересует в данный момент) следующее:

«Это были тяжелые ошибки Ленина, от которых страдает и по сей день социалистическое движение; но именно здесь-то Ленин и был тем человеком, который мог бы их пре-

---

1) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 304.

одолеть, если бы ему не помешала длительная болезнь и преждевременная смерть».

Итак, Ленин—это именно тот человек, который мог бы восстановить единство рабочего класса во всем мире и мог бы повести пролетариат по правильному пути. Товарищи, та же задача, полагаю, стоит теперь и перед всем Коммунистическим Интернационалом. Задача эта преемственно переходит к Коминтерну, и мы ее берем на себя.

В течение некоторого времени нам, Коммунистическому Интернационалу, приходилось бороться за самое существование коммунистических партий. Мы не могли не уйти из социал-демократических партий.

Теперь мы вступили в новую полосу и берем на себя задачу восстановления единства всемирного пролетариата в целом. Эта задача крупнее той, которую мы решали раньше. В первую полосу работы Коминтерна наша задача состояла в собирании лучших революционных элементов, всюду составляющих меньшинство в рабочем классе и в рабочих партиях, и в создании самостоятельных партий, хотя бы путем раскола уже существующих. Теперь перед нами стоит задача высшего порядка—задача восстановления единства всемирного пролетариата. Но на какой почве? В этом весь вопрос. Я думаю, мы идем навстречу периоду, когда нам удастся восстановить единство мирового пролетариата в общем и целом на нашей почве, на базе коммунизма. Единый фронт есть не больше и не меньше, как тактика восстановления подлинного единства мирового рабочего класса, объединения всего рабочего класса, за исключением тех его частей, которые совершенно нам чужды, которые вплоть до самой социальной революции будут итти нога в ногу с буржуазией. Тактика единого фронта есть тактика восстановления рабочего единства на базе революционной борьбы против буржуазии.

Рабочие делегации в СССР.

За последнее время в нашей среде много говорилось о так называемых «новых явлениях» в рабочем движении. Надо сказать, что мы иногда и старые, повторяющиеся «явления» ошибочно именуем «новыми». Несомненно одно: мы должны тщательно изучать то, что есть нового в рабочем движении, в каждом уголке Европы и в каждом уголке мира. Первая подобная попытка недавно сделана тов. Пеппером в его статье и в докладе; я считаю эту попытку очень удачной.

Мы должны серьезно и основательно сопоставить все новые факты и их проанализировать. Однако не следует здесь преувеличивать. Ошибочно думать, что новый 2½ Интернационал вот-вот образуется, что левое крыло в социал-демократии теперь сильнее, чем когда бы то ни было прежде. Новым явлением можно назвать делегации в СССР. Это ново до известной степени. Правда, в 1919 году у нас уже побывала одна делегация—английская, но затем наступил весьма длительный перерыв. Сейчас вновь к нам едут делегации. Это ново и значительно. Значительно потому, что в общем и целом движение это развивается через голову социал-демократических вождей. Еще в августе 1925 года Жуо на съезде Всеобщей Конфедерации Труда во Франции сказал, когда шла речь о посылке делегации в СССР: «Мне понятна русская революция, и я ей прощаю, но посылать туда делегации не стоит: ведь они вынесут из поездки только впечатление бессилия советского строя». Таким образом в августе 1925 Жуо имел еще наглость «прощать русской революции» и указывать на ненужность делегаций, которые вынесут из посещения Советского Союза впечатление его бессилия.

Теперь положение изменилось. Движение это ново и очень важно. Оно лишь зарождается, и оно будет расти. Ему суждено вылиться в новые формы. Позднее в СССР потянутся и крестьянские делегации. Из Германии нам уже сообщали, что даже полицейские хотят послать сюда свою делегацию. Мы им ответили: почему бы и нет, но несколько позднее, пока подождем. Будет и другая возможность—посылки делегаций из СССР в Европу. В цитированной мною уже раньше статье из «Право Лиду» говорится:

«Было бы желательно в принятую за последнее время систему посылки рабочих делегаций и делегаций представителей интеллигенции из Европы в Россию внести некоторое дополнение. Нелишне, чтобы и социалисты европейских стран также приглашали в Европу делегации из России. Русские товарищи, как рабочие, так и представители интеллигенции, должны своими глазами увидеть, какова теперь, собственно, Европа, сколько имеется там таких учреждений, которыми гордится Россия и которые определяются, как завоевания революции, как обстоит дело с положением рабочих и с их политическими правами, какова, прежде всего, экономическая и политическая ситуация Европы и всего мира».

Пожалуйста, ждем соответствующего приглашения. Почему бы нет? В этой статье приглашали и меня лично. Чешские социал-демократы пишут:

«В особенности было бы приемлемо для нас, если бы поездил, например, господин Зиновьев по Чехо-Словакии, чтобы мы могли показать ему революционность его секции, чтобы показать ему, как ничтожна при наших обстоятельствах контрреволюционность, что делается и что еще могло бы быть сделано».

Итак, товарищи, дело дошло даже до личных приглашений. Но всякое начало трудно. И я жду новых приглашений от господ социал-демократов. Полагаю, что наш пролетариат не прочь послать свои делегации в Европу, чтобы там порассказать о смысле и значении русской революции. В той же статье господа чешские социал-демократы говорят: О чем свидетельствуют делегации в Россию? Что эти делегации вынесут из своих поездок? В Чехо-Словакии имеются такие же учреждения, как в СССР, и даже получше. Они говорят о буржуазном государстве, как о своем.

По-моему, движение в пользу посылки делегаций пока еще только в зародыше. Оно выльется и в совершенно другие формы. Но эти делегации уже есть нечто новое, это любопытный симптом эпохи.

Во-вторых, новым является образование англо-русского комитета профсоюзного единства. Этот значительный факт находится в тесной связи с положением мирового капитализма. Если бы в Англии не было заката империализма и упадка рабочей аристократии, а, следовательно, и революционизирования рабочего движения, то образование такого комитета было бы немыслимо. Мы были правы, когда на XIV съезде ВКП говорили о том, что Коммунистический Интернационал в своей работе идет теперь двумя путями: старым (пестование ком'ячеек и компартий) и новым (посылка делегации в СССР и образование англо-советского профсоюзного комитета).

О левой оппозиции во II Интернационале.

Третьим, не совсем новым моментом, но воспринимаемым за таковой, является своего рода некоторая кристаллизация левой оппозиции во II Интернационале. Нечто подобное бывало и раньше. Новым моментом, характеризующим нынешнюю оппозицию, является профсоюзный по преимуществу характер ее. Я не стану утверждать, что нынешние левые группы сильнее бывшего 2½ Интернационала. 2½ Интернационал,—говоря политически,—с самого начала был мертворожденным детищем, так как между социалистическим и Коммунистическим Интернационалом промежуточной орга-

низации быть не может. Но вначале $2^1/_2$ Интернационал представлял массовое движение. Достаточно напомнить вам о независимой социалистической партии Германии, насчитывавшей полмиллиона членов и собиравшей несколько миллионов голосов за свои списки на выборах. Аналогичное же крупное движение, представлявшееся $2^1/_2$ Интернационалом, наблюдалось и во Франции. Теперешние левые группы партий II Интернационала значительно слабее бывшего $2^1/_2$ Интернационала. Сравнение этих групп с $2^1/_2$ Интернационалом сильно хромает: вряд ли суждено возродиться $2^1/_2$ Интернационалу. Гениям вроде Балабановой вкупе со Штейнбергом уже не удастся состряпать его вторично. Такие вещи в истории не повторяются. А следовательно левые оппозиции выльются в новые формы, пойдут новыми путями,— по-моему, в первую очередь, профсоюзными. Это любопытная и характерная особенность современного положения. Она свидетельствует о том, что нынешняя оппозиция довольно близка пролетариату, так как реформистские профсоюзы, несмотря на глубоко отрицательные стороны, все же массовые организации и служат рупором некоторых слоев пролетариата. Учитывая все это, мы приходим к выводу, что нам необходимо зорко следить за формирующейся в соответствующих социал-демократических партиях оппозицией.

Интереснее всего в этом смысле выступление Отто Бауэра. Полагаю, что всем вам известна его речь о СССР. Она весьма характерна и любопытна. Вообще следует несколько ближе присмотреться к австрийской социал-демократии: во-первых, это сильная, а, во-вторых—умная контрреволюционная партия. В отличие от английских реформистских лидеров, вождей австрийской партии глупцами не назовешь. Они—тертые калачи. Эта серьезная массовая партия представляет собой самую легкую и гибкую часть II Интернационала. Отто Бауэр—виднейшая фигура на так называемом левом крыле II Интернационала, а потому и выступление его чрезвычайно симптоматично. Совершенно ясно, что речи Бауэра о СССР произнесены под давлением австрийских социал-демократических рабочих. Это чувствуется в каждом его слове. Речь Бауэра чрезвычайно слащава, она льется, как молоко, как миндальное молоко. Но мы еще не забыли, как этот вождь левых на Марсельском конгрессе II Интернационала провел резолюцию, в которой говорится:

«Коммунистический Интернационал распространяет иллюзию, будто он сможет принести свободу рабочим на острие штыка Красной армии. Коминтерн придерживается того мне-

ния, что для победы мировой революции нужно вызвать новую мировую войну. Коммунистический Интернационал поддерживает революционное движение в Азии и Африке, надеясь, что, опираясь на эти страны, он будет в состоянии через войну нанести смертельный удар капитализму».

Что это значит, товарищи? Ведь здесь подлинный яд. Чего хочет буржуазия? Войны! Каков смысл Локарно? Подготовка к новой войне! Каков смысл Лиги Наций? Опять-таки—подготовка к войне! Чего больше всего опасается рабочая масса? Войны! Чего больше всего опасается крестьянская масса? Войны! Чего больше всего жаждет рабочий класс? Мира! В чем же заподозревает Коммунистический Интернационал самая худшая часть социал-демократии? В «красном империализме». В чем наибольшая притягательная сила советского правительства? В его мирной политике. Здесь наша самая сильная сторона—в нашей борьбе против войны. Мы—единственная организация, способная серьезно бороться за предотвращение войны! Бауэру все это прекрасно известно, но он старается сбить рабочих с толку, преподнося им вредную для нас и сильнее всего действующую на них отраву. Это утверждение Бауэра самое подлое, самое ядовитое, самое вероломное; он преподносит порцию миндального молока, но тут же подливает достаточную дозу самого сильнодействующего яда. Итак, лучший, виднейший вождь современных левых с.-д., человек с прошлым в социалистическом движении, возводит на нас такие обвинения. Шейдеману, Вандервельде и прочим терять больше нечего, они могут остаться разве без жалованья, выплачиваемого им буржуазией, но в социалистическом движении они люди конченные. У Отто Бауэра еще есть кое-какие остатки социалистического престижа. Поэтому он выдает себя за человека, подлинно понявшего русскую революцию и рука об руку с рабочими, при известных условиях, готового «даже» приехать в Россию. Подумаешь, какое счастье для России. Г-н Ллойд-Джордж, говорят, тоже готов скоро приехать в Россию. В действительности Отто Бауэр творит дело правой социал-демократии, творит дело буржуазии, он льет воду на мельницу г-на Авгура. На Марсельском конгрессе Отто Бауэр оказал услугу милитаристам и империалистам наихудшего сорта вроде Авгура.

«Левое» крыло германской социал-демократии теперь значительно слабее прежнего. Пожалуй, сильнее всего сейчас левое крыло во французской социал-демократии. У французов есть свой Отто Бауэр, это—Компер-Морель. Но и французские левые настроения не следует преувеличивать. Фран-

цузы—прекрасные ораторы, в их устах все звучит гораздо пышнее, чем в устах немцев. Слушая речь Компер-Мореля, можно действительно вообразить, что он без пяти минут коммунист; недаром на съезде французской социалистической партии ему кричали: «Что ж, иди к коммунистам». А какова объективная роль Компер-Мореля? Действительно ли он ратует за радикальную политику? Ничего подобного. Ведь на съезде спор шел всего только о том, в какой пропорции допустимо участие социалистов в буржуазном правительстве; своими «левыми» фразами левые только удерживают рабочих от ухода из социалистической партии. Они говорят: наша партия—противница национального блока, сторонница социалистической политики и пр. Такова их объективная роль.

Этим я отнюдь не хочу сказать, что самый факт образования левого крыла во французской социалистической партии не имеет значения; но подлинная суть не в хитроумии г-на Компер-Мореля или Отто-Бауэра, а в полевении массы. Причины полевения указаны мною в тезисах; излишне, я думаю, повторять их здесь.

О рецидивах реформистских иллюзий.

Мне думается, что реформистские иллюзии в рабочем движении имеют свои циклы—до известной степени подобно экономическим кризисам в капиталистическом развитии. Не стану утверждать, что слои пролетариата, ныне относительно высвободившиеся из-под влияния реформизма, избавились от него раз навсегда. Рецидивы возможны и неизбежны. Обозревая историческое прошлое рабочего движения, мы видим, что 1907—1917 г. г. были десятилетием наибольшего расцвета реформизма. 1907 год я назвал потому, что в тот год состоялся Штутгартский конгресс II Интернационала. На этом конгрессе по существу полную победу одержало правое крыло. В ту пору мы этого не понимали, но теперь это ясно. Штутгартский конгресс, принявший несколько левых резолюций по колониальному вопросу (и то незначительным большинством и благодаря поддержке японцев), этот конгресс на самом деле знаменовал полную победу правого крыла во II Интернационале. Время с 1907 по 1917 г., т.-е. до начала русской революции, было десятилетием величайшего расцвета явного и тайного, правого и центристского реформизма.

Затем наступил период отлива реформистских иллюзий в рабочем движении приблизительно в 1917—1920 г. г. То

были 3—4 года тягчайших массовых бедствий, сильнейшего бунта масс против войны. То была пора, когда максимально действовала притягательная сила русской революции, когда всем нам верилось, что мировая победа над капитализмом вот-вот будет одержана.

После этого идет второй цикл реформистских иллюзий в рабочем движении в 1921—1925 г. г. Как видите, цикл этот охватывает уже не 10 лет, а всего лишь 4 года. Зараза уже не столь велика. Эпидемия распространяется не на весь рабочий класс, потому что у нас уже был Коммунистический Интернационал, у нас уже была победа русской революции. Эпидемия эта, повторяю, была на этот раз не столь губительна, как в 1917 году, но новый цикл реформистских иллюзий был налицо.

Думается мне, что в настоящее время мы стоим у начала нового периода — отлива реформистских иллюзий. 1925 и 1926 года знаменуют начало нового цикла в современном рабочем движении. Ошибочно думать, будто усиление левых групп есть нечто большее, чем $2^1/_2$ Интернационал, но и недооценивать этого явления не следует. Это еще не значит, что даже те слои, которые нами уже завоеваны, которые за нас уже голосуют, нами окончательно закреплены за собой. Нет, я предвижу новый цикл реформистских иллюзий, он будет, пожалуй, более кратким, так как исторический опыт накопляется, так как массы на нем учатся, как в национальном, так и в международном масштабе. Несомненно, что когда Германия теперь в третий раз подойдет к революционной ситуации, массы, обогащенные опытом, не поддадутся в такой сильной степени реформистским иллюзиям. Но весьма вероятен новый временный расцвет реформистских иллюзий; это непременно случится в Америке, а возможно и в Европе.

Банкротство противников единого фронта.

Под углом зрения такой перспективы мы должны подходить как к старым, так и к новым факторам рабочего движения. Смело можно сказать, что минувший год прошел недаром, что тактика наша, несмотря на наличие ошибок, была в основном правильной и способствовала развитию этих новых факторов, способствовала расслоению в рядах противника, а также содействовала нашей собственной консолидации хотя и недостаточно быстрой.

С учетом этой перспективы надо подходить и к вопросу о тактике единого фронта. Я уже говорил, что тактика единого фронта не есть эпизод в процессе нашей борьбы, что

это тактика целого периода, вплоть до завоевания нами большинства пролетариата в важнейших странах. Я попытался восстановить для себя историю единого фронта на основании коминтерновских документов. По-моему, давно уже пора кому-нибудь из товарищей написать книжку по истории тактики единого фронта, с указанием наших ошибок и достижений и с перечислением доводов и усилий в пользу этой кампании. Кто теперь помнит, что впервые вопрос о едином фронте встал перед нами в 1922 году, и что на первых порах нашей тактики возражали как ультра-левые, так и правые? Любопытная вещь! Кто возражал против этой тактики в 1922 году? Вначале Суварин, но он скоро сдался; затем решительным противником этой тактики был Фроссар; тогдашний ЦК французской партии критиковал тактику единого фронта слева и клеймил ее как предательство. Помните, как от имени итальянской партии против этой тактики возражал тов. Роберто? Не знаю, где он теперь, хорошо бы услышать от итальянских товарищей, к какому течению он теперь примыкает и состоит ли еще в партии.

От имени тогдашнего бордиговского ЦК итальянской партии тов. Роберто возражал против тактики единого фронта, критикуя ее «слева». Таково было в ту пору положение вещей. Было ли оно случайным? Не думаю. Транмель, тогда еще член Коммунистического Интернационала, тоже возражал против тактики единого фронта и лозунга рабоче-крестьянского правительства—и тоже «слева». Всем нам известно, где Транмель теперь.

Все это—факты. Не мешало бы Бордиге вспомнить, где теперь Транмель.

Долгое время «Юманите» боролась против тактики единого фронта и во главе с Фроссаром пыталась изображать дело так, будто здесь пахнет братанием с социал-демократией.

Против ревизии решений V конгресса.

Несмотря на все помехи и трудности, тактика единого фронта взяла верх. Но нельзя сказать, что окончательно удалось закрепить эту тактику: нам и сейчас еще приходится преодолевать крупные помехи того же характера. История немножко повторяется.

III конгресс имел чрезвычайно большое значение. Этот конгресс знаменует поворотный пункт, он стоит на грани двух периодов в истории Коммунистического Интернационала. В ту пору, до III конгресса, все мы были убеждены в непосредственной близости победы пролетариата, думали, что она

придет через 1 — 2 года. Верил в эту близость победы и Ленин. III конгресс был в этом отношении поворотным пунктом. К этому времени мы убедились, что дело идет не так скоро. Ленин понял это, вероятно, и раньше.

Но отсюда отнюдь не следует, что мы должны «ревизовать» решения последующих IV и V конгрессов. Оба эти конгресса, точно так же, как и III, являются важнейшими этапами в истории Коммунистического Интернационала. «Ревизия» их решений явилась бы ошибкой. Если и можно что исправить, то какие-нибудь мелочи. Пересмотр решений IV и V конгрессов мы в наших тезисах называем ликвидаторством. На этом мы настаиваем. Многое, упущенное IV и V конгрессами, дополнит VI. По существу же резолюции V конгресса вполне правильны.

Порою задается вопрос: правильна ли была наша оценка социал-демократии? Думаю, что да. Иные изображают дело так, будто V конгресс поставил знак равенства между фашизмом и социал-демократией. Если бы он так поступил, он попал бы на путь вульгарного толкования большевизма. Но он этого не говорил. В резолюциях его сказано:

«В Америке много шуму поднимается по поводу создания «третьей» партии буржуазии (мелкая буржуазия). В Европе социал-демократия в известном смысле стала «третьей» партией буржуазии. Это особенно наглядно в Англии, где, кроме двух классических партий буржуазии, прежде мирно сменявших друг друга у власти, теперь правительствующим фактором стала так называемая рабочая партия, на деле ведущая политику, близкую к одному из крыльев буржуазии. Нет никакого сомнения в том, что социал-предательские вожди английской рабочей партии теперь в течение ряда лет, в той или другой комбинации, будут соучаствовать в осуществлении власти английской буржуазии.

Совершенно несомненно также, что и во Франции, и в Англии, и в ряде других стран вожди II Интернационала играют роль буржуазных министериаблей, на деле являясь вождями одной из фракций «демократической» буржуазии.

Социал-демократия уже издавна переживает процесс превращения из правого крыла рабочего движения в левое крыло буржуазии, а местами и в крыло фашизма. Вот почему исторически ошибочно говорить о «победе фашизма над социал-демократией». Фашизм и социал-демократия (поскольку дело идет о руководящих слоях того и другого) — это правая и левая рука современного капитализма, надломленного первой империалистической войной и первыми боями трудящихся против капитализма».

Это нечто иное. Разумеется, если бы был позабыт диалектический метод, если бы о социал-демократии V конгресс заявлял то, что правильно лишь в применении к ее верхушке, если бы без дальнейших околичностей был поставлен знак равенства между фашизмом и социал-демократией,—это была бы крупная ошибка. Но V конгресс такой ошибки не сделал. Кто приписывает V конгрессу эту ошибку, тот вульгарно толкует его резолюцию. Вульгаризацией грешили как правые, так и левые. В действительности же сказанное конгрессом было и есть абсолютно правильно: местами вожди социал-демократии переплетаются с фашистами. Разве это не так? Например, в Болгарии, где социал-демократы участвуют открыто в коалиции с Цанковым?! В Венгрии разве социал-демократы не связаны с фашистами? Я спрашиваю вас: как расшифровать сейчас во Франции правое крыло социалистической партии? Какова его подлинная роль? Это, повторяю, абсолютно правильно, подтверждением этой точки зрения V конгресса служит весь 1920 год.

Сильнее всего изменилось положение в Германии. Но разве не верно, что часть руководящей верхушки германской социал-демократической партии и теперь старается помочь буржуазии даже в таких элементарных вопросах, как возмещение бывших владетельных домов? Дело сводится к тому, следует ли подарить владетельным князьям 2 миллиарда марок. Что вы думаете, товарищи, разве честный буржуазный республиканец не мог бы восстать против такого возмещения? В данном случае даже республиканец мог бы свободно поддержать рабочий класс, а между тем, когда имеешь дело с так называемой социал-демократией, приходится еще бороться и добиваться от нее открытого выступления против возмещения владетельных князей. После этого, скажите, разве верхушка германской социал-демократии не крыло своей буржуазии?

Я бы еще понял поведение господ социал-демократов, если бы трон не был опрокинут, если бы кукла на нем еще сидела, но поскольку куклу уже прогнали, поскольку трон уже снесен,—к чему, даже с их точки зрения, платить этим последышам? Неужто в момент страшной безработицы надо им отвалить миллиард только потому, что «юридические» доводы говорят за это возмещение. Как это квалифицировать? Разве перед нами не худшие элементы буржуазии в Германии?

Где же ошибки, преувеличения V конгресса? Я останавливался раньше на Америке. Эти господа «тоже социалисты» заявляли, что приветствуют американское правительство за непризнание СССР. Они выступают открыто против совре-

менного рабочего движения. Разве они—не третья партия буржуазии? Оценка социал-демократии, данная V конгрессом, была и остается правильной, и у нас нет никаких оснований ее менять. Ленин на предыдущих конгрессах давал социал-демократии еще более резкие оценки.

Сегодня тов. Пеппер передал мне «Форвертс», где изложено выступление Штампфера в германском рейхстаге по вопросу о фашизме. Штампфер говорит:

«Это—трагикомическое злосчастье фашизма всех стран, что он все ищет себе вождя, а найти не может. Если фашизму нужен вождь, он должен пообождать, пока не свихнулся какой-нибудь социалист».

Вот именно. Остроумно сказано. Однако, не знаю, кто из них более свихнулся—Муссолини или социал-демократы, которые хотят сейчас дать Вильгельму и К° миллиард. Муссолини еще не лишился «княжеского дома» и довольно хорошо обделывает свои дела. В этой цитате можно прочесть более того, что хотел сказать Штампфер, а именно, что темы—фашизм и вожди социал-демократии—не так уж далеки друг от друга. Это местами явления одного и того же порядка.

Если кто-нибудь скажет, что основная оценка социал-демократии Коминтерном была неверна, то он находится на ложном пути, и с ним нужно бороться, как с ликвидатором. Оценка была и остается правильной, и у нас нет решительно никаких причин изменять ее.

V. Ошибки и успехи при проведении тактики единого фронта.

Основные ошибки ультра-левых.

Я говорил здесь об ошибках при проведении тактики единого фронта. Они действительно велики. Какие ошибки были самыми важными? Мы пытались их перечислить. Ошибки эти следующие.

Самой серьезной ошибкой является формалистское понимание всей тактики единого фронта. По мнению некоторых товарищей, тактика эта заключается в том, чтобы написать два или три открытых письма, а хороши они или плохи—дело второстепенное. Письмо написано—и баста. Ответа не ожидается.

Вторая ошибка—ультра-разоблачительство. Хотят разоблачать социал-демократических вождей, но делают это так, что скорее разоблачают свое собственное неумение. Эти примеры

нам в особенности явила германская партия под руководством тов. Рут. Вспомните историю с выборами Гинденбурга.

(Шолем: «Правильно, правильно!»).

Если уж тов. Шолем сознает, что «правильно», значит— действительно правильно. У нас был расширенный пленум во время выборов Гинденбурга. Надо для объективности сказать, что товарищи, бывшие здесь, в том числе и тов. Рут, скоро согласились с нашими предостережениями против этой ошибки. Затем товарищи вернулись в Германию. Гинденбург был выбран. На другой день после выборов ЦК германской компартии написал социал-демократам открытое письмо, в котором заявил: мы предлагаем то-то и то-то; но знаем, что вы этого не сделаете, и рабочий класс увидит, как реакционны социал-демократические вожди; другими словами, мы предлагаем вам это в полном убеждении, что вы негодяи. Это наиболее классический метод ультра-разоблаченчества. Если вы уже и впрямь убеждены в этом,—а я тоже в этом убежден,—умолчите в официальной переписке. Если же вы их ругаете, тем самым вы облегчаете им выход из положения.

Третья ошибка — предложение неприемлемых условий, неприемлемых не для вождей,—это было бы не беда,—а для прогрессивнейшей части с.-д. рабочих, которых мы хотим привлечь на свою сторону. Тут богатую коллекцию примеров дают нам Франция и Америка. По вопросу о Марокко и Сирии некоторые наши французские товарищи выступили с подобным заявлением: «Мы против войны, мы за эвакуацию, а поэтому условием единого фронта с социалистическими рабочими является требование, чтобы и они тотчас признали наши лозунги братанья с риффскими войсками, и т. д. Мы за необходимость превращения марокканской войны в гражданскую войну». Это свое выступление они мотивировали тем, что в книге «Против течения», автором которой отчасти являюсь и я, выдвинут Ильичом и конкретизирован в целом ряде статей лозунг «превращение империалистической войны в гражданскую». Значит, надо это применить и к марокканской войне. Забыли «маленькую» разницу между нынешней марокканской войной во Франции и мировой войной 1914—1918 г.г. Сам по себе лозунг братанья правилен. Конечно, следует призывать к братанью воюющие за чужое дело армии. Но не следует выставлять этот лозунг в качестве условия для единого фронта с реформистскими рабочими, настроенными пока социал-патриотически.

В Америке мы тоже имеем подобный пример. Это—история с профсоюзной лигой просвещения. Не скажу, чтобы здесь была вина только американских товарищей. В пылу фрак-

ционной борьбы говорят: Фостер один виноват. Я думаю, что, во-первых, положение было таково, что натиск большинства американской партии вынуждал иногда Фостера и других деятелей американского профдвижения по возможности скорее итти влево. Это была ошибка. Я не буду разбираться, кто именно допустил ее. Но факт, что наши профсоюзные организации (лига), которые должны проводить в Америке единый фронт, теперь имеют и формально ту же программу, что и наша коммунистическая партия, т.-е. диктатуру пролетариата. Т.-е., условием единого фронта тоже до известной степени ставится признание диктатуры пролетариата. Недостает только 21 условия.

Пятая форма ошибок—неправильное понимание вопроса о лэбор-парти. Эта болезнь имеет старые корни. Еще на II конгрессе тов. Ленин должен был бороться против некоторых английских товарищей, проповедывавших выход из лэбор-парти. Это была, в сущности, борьба за правильное толкование тактики единого фронта. Англичане были против нее. Я вспоминаю, что различные товарищи поддерживали это мнение—Серрати, кажется, и Бордига. Добились ли бы мы теперешних успехов в Англии, если бы английские товарищи не были в лэбор-парти? Теперь мы сумели пустить свои корни настолько, что правые хотят нас исключить из лэбор-парти. Мы им опасны, и вокруг этого вопроса идет борьба. Теперь этот вопрос стоит в другой форме в Норвегии. Тот, кто не умеет правильно применять тактику единого фронта, будет высказываться против вхождения в лэбор-парти.

С другой стороны, мы наталкиваемся на такие уклоны, когда товарищи думают, что если уж отстаивать рабочую партию, то надо ликвидировать коммунистическую. Я не знаю, какой уклон из этих двух хуже,—по всей вероятности, оба одинаково плохи. Если бы коммунистическая партия действовала сообразно этому второму взгляду, то коммунисты стали бы лишь левым хвостом лэбор-парти. Обеих ошибок мы должны не допускать и бороться с ними.

Существуют еще некоторые психологические пережитки прежних ошибок. Вот пример: во время кампании за конфискацию имущества владетельных домов приходит рабочий социал-демократ и предлагает итти вместе, а коммунист отвечает: «Ты—эсдек, и я руки тебе не подам». Единого фронта нам не добиться, если мы будем действовать такими способами, как драки с социал-демократами, что и бывало в Берлине. Нет, это было недопустимо.

Зачастую у нас ставят отвлеченно вопрос, как проводить

тактику единого фронта — «сверху» или «снизу». Товарищи говорят: «Снизу—да, сверху—нет». Все это было специально придумано ультра-левыми, чтобы разбавить водичкой и свести к нулю тактику единого фронта. V мировой конгресс дал на этот вопрос четкий ответ. Там сказано: единый фронт снизу всегда необходим, за исключением разве моментов непосредственных боевых действий с оружием в руках, когда часть рабочих, одураченных социал-демократией, становится по ту сторону баррикады. В остальных случаях всегда — единый фронт снизу. В зависимости от конкретной обстановки, разумеется, вполне допустим единый фронт снизу и в то же время сверху. Но надо твердо помнить, что V конгресс отверг такой «единый фронт», который проводится только сверху, т. е. парламентские комбинации.

Ультра-левая фраза и соглашательское дело.

Таковы ультра-левые ошибки при проведении тактики единого фронта. Есть и правые ошибки. Классическим примером их является саксонская политика в 1923 году. Это пример толкования единого фронта, как прямого политического союза с социал-демократией. Тяжелый урок, полученный германской компартией и всем германским рабочим классом в результате саксонских экспериментов, предохранит нас от подобных ошибок в будущем. Повторения такого эксперимента мы впредь не допустим.

Еще пример из жизни германской партии за самое последнее время,—я говорю о Цейтце. Эта ошибка была допущена маленькой местной организацией. И то, что это была маленькая и местная организация, особенно характерно для ультра-левых. Нельзя недооценивать маленьких местных организаций,—иногда они ярче всего вскрывают больные места. Когда речь идет о верхушке,—там иное дело. Там ведь тренированные парламентарии. Они умеют говорить так, чтобы никто не понимал, в чем настоящая суть дела. Но если говорит маленькая местная группа, то порою она лучше всего покажет, в чем суть некоторых ультра-левых направлений. Я думаю, что цейтцкий пример весьма убедителен. Убедительнее, чем некоторые длинные декларации последних недель и дней со стороны ультра-левых. Я не очень ценю эти декларации; я хотел бы, чтобы на деле скорей окончилась ультралевая болезнь,—тогда не понадобится деклараций. Коминтерну вовсе не нужен непременно и правый и ультра-левый уклон. Эта симметрия ни к чему. Если она действительно прекратится,—тем лучше. Но пока что в Германии ультра-

левая опасность очень велика. Борьбу с ней мы проведем до конца и полностью.

Итак, цейтцкий пример интереснее многих деклараций. Организация в Цейтце, возглавлявшаяся ультра-левыми, постановила заключить единый фронт с социал-демократами и обязалась подпиской, что коммунисты и социал-демократы должны совершенно прекратить взаимную борьбу—словом и делом, или в каких бы то ни было других формах. Что это значит? Это уже напоминает «саксонский» метод 1923 года. Мне кажется, что эту болезнь надо установить и решительнейшим образом ее ликвидировать. Давно пора изучить и преодолеть как ультра-левые, так и правые ошибки в применении тактики единого фронта.

Успехи единого фронта.

Теперь об успехах единого фронта. Были у нас такие успехи? Да. Были, и даже значительные.

Думаю, что наибольших успехов мы достигли, в первую очередь, в Англии. То, что делает английская партия—это подлинная тактика единого фронта.

Были успехи и в Германии. Все вы знаете о великолепных демонстрациях, о движении, начавшемся в Германии, о нашем проникновении в массы.

Были успехи и в Бельгии. Бельгия также заслуживает большого интереса, как Австрия. В Бельгии мы имеем одну из наиболее сильных и важных партий II Интернационала не потому, что там царит его превосходительство г-н Вандервельде, а потому, что почти все рабочие в ней организованы. Наша же партия маленькая, но достаточно сплоченная, и она добилась первых серьезных достижений в области профсоюзного единства и политической.

Успехи есть в скандинавских странах, в особенности в Швеции. Вы знаете о конференции в Гетеборге. Это прелюдия к действительному концентрированию крупных составных частей пролетариата под знаменами коммунизма. Хеглундовский нарыв, который был причиной болезни нашей партии в Швеции, лопнул; партия очистилась от нездоровых элементов и теперь находится на пути к завоеванию широких масс. А где теперь Хеглунд? Тов. Чильбум сообщил мне, что Хеглунд редактирует собрание сочинений—чье бы вы думали?—Брантинга! Хеглунд чрезвычайно подходящий человек для такой работы! А «дядя» Штрем (друг Хеглунда) основал,—как говорит Чильбум,—бюро для борьбы с Советской Россией. Такова судьба этих господ.

Я хотел бы сказать, что политика китайской партии является также своеобразным усиленным применением тактики единого фронта в другой, не рабочей среде, при другом социальном составе.

И, наконец, успех, который необходимо отметить еще и еще раз,—это делегации в СССР и англо-русский комитет, о которых говорилось уже выше.

Думаю, что мы находимся не в таком положении, чтобы срывать сердце лишь на бесконечной критике ошибок. У нас есть и серьезные успехи. Это показывает, что тактика единого фронта правильна, надо лишь видеть и преодолевать препятствия и трудности. Путь намечен верно. Налицо у нас все объективные условия для дальнейшего применения тактики единого фронта.

Борьба за массы.

Мы должны—это сказано в тезисах—именно в этот период относительной стабилизации суметь стать главной (если уж не единственной) партией рабочего класса. Возможно ли это? Думаю, что да. В этом отношении показателен пример чешской партии. Год тому назад у нас был кризис чешской партии; под влиянием его некоторые чешские товарищи говорили, что в наше время невозможно применять тактику единого фронта, невозможно, будучи непримиримыми большевиками, оставаться партией масс. Некоторые товарищи ставили вопрос так: или большевизация, и тогда мы превратимся в маленькую партию; или стать большой массовой партией, и тогда—по боку большевизацию. Многие считали, что большевизация в принципе хороша, но этот фрукт сейчас не по сезону. Мы выставили лозунг: именно *через большевизацию к массовой партии*, ибо большевизм чужд всякого сектантства. Мы сказали: благодаря умной большевизации мы как раз и станем партией рабочих масс. И на чехо-словацком примере наша точка зрения всецело себя оправдала. Чехо-словацкая партия становится главной партией рабочего класса Чехо-Словакии. Почему это оказалось возможным? Потому, что социал-демократия все больше перестает быть партией рабочего класса.

Тов. Пауль Фрелих в своей работе о германской социал-демократии приводит очень интересные данные [1].

Из 844.000 членов в марте 1925 года было 1.200 руководящих партийных чиновников, 7.000 профессиональных чи-

---

[1] Paul *Frälich*. Die gegenwärtige Rolle der S. P. D. „Die Internatonale“ Heft 10—12, 1925

новников, 600 членов центрального и местных парламентов, 6.500 членов городских управлений, 30.000 членов общинных управлений, 1.500 бургомистров, 2.890 членов правлений магистратов и т. п. Обследование считает, что свыше 50.000 социал-демократов имеется в правительственном аппарате и аппарате рабочих организаций. Кроме того, в социал-демократической партии имеется 100.000 мелких торговцев и домашних хозяек (не жен рабочих), 10.000 владельцев пивных, 70.000 средних и низших чиновников и 100.000 технических и коммерческих служащих. В общем обследование это насчитывает в современной социал-демократии 350.000 интеллигентских и мелкобуржуазных элементов и 500.000 пролетарских. Однако, несмотря на количественное преобладание пролетарских элементов в германской социал-демократии, решающую роль в партийном и профессиональном аппарате играет мелкая буржуазия.

На-днях я получил интересные материалы от тов. Варга специально о Бремене—подробное обследование бременской организации, которая является одной из лучших в социал-демократической партии Германии. Там—то же явление.

Обследование это охватывает только 7.459 человек из 8.643 членов организации, так как 1.175 записаны под графой «род занятий неизвестен». Главные группировки следующие:

1. Занимающиеся самостоятельно промыслами . . . . . . Из них:—большей частью ремесленники (как, например, булочники, парикмахеры, сапожники, портные и т. д.); трактирщиков 101	274
2. Самостоятельно занимающиеся торговлей (мелкие торговцы и купцы)	65
3. Служащие, свободные профессии	950

Из них:

Государственных служащих	307
Частные „	162
Мастеров	92
Приказчиков	84
Железнодорожников	83
Служащих проф. и парторганизаций	71
Инженеров и техников	46

4. Домохозяйки	1.356
5. „Другие профессии"	31
6. Квалифицированные рабочие	3.336
7. Неквалифицированные рабочие	1.447
Всего . . .	7.459

Если считать первые 5 групп принадлежащими к мелкой буржуазии, тогда получим следующую картину:

Мелкобуржуазные элементы	2.862 (35,8%)
Квалифицированные рабочие	3,336 (44,6%)
Неквалифицированные рабочие	1.447 (19,3%)

Тот же процесс мы наблюдаем и в других странах: социал-демократия становится партией рабочей аристократии, растворяясь все больше и больше в мелкобуржуазной массе. В Америке этот процесс проявляется в особенно яркой форме, но и в Европе налицо те же явления.

При таком положении вещей, когда вожди социал-демократии выкидывают такие безобразные коленца, что даже хотят подарить миллиард бывшим князьям, мы имеем возможность при умном применении тактики единого фронта завоевать большинство рабочего класса. Мы были бы тупицами, если бы не сумели этого сделать. В этой ситуации, когда социал-демократия уже потеряла 50 проц. рабочих, а морально и того больше—у нас огромные шансы на успех. Конечно, на выборах они получат еще много голосов, но мы, имея за собой СССР, который растет и крепнет, имея за собой Коммунистический Интернационал, мы, единственная партия, которая искренно стремится организовать не рабочую аристократию, а рабочий класс, мы должны суметь стать подлинно массовой пролетарской партией.

Для этого надо раньше всего суметь провести действительную тактику единого фронта. Еще недавно в важнейших партиях, например, в Германии, был спор относительно объединения списков на берлинских выборах в городскую думу. Тактика ЦК была абсолютно верна. Рост безработицы, снижение заработной платы, ухудшение общего материального положения рабочих масс, перерождение и ренегатство социал-демократии создают вполне благоприятную обстановку для тактики единого фронта. Если при этом положении вещей нам не удастся завоевать большинство рабочего класса, то мы—тупицы и бездарности, или делаем такие ошибки, которые абсолютно недопустимы.

То же самое в вопросе о конфискации имущества князей. Ультра-левые говорили, что это исключительно парламентский вопрос. Кто этому теперь верит? Для всех ясно, что здесь лежит путь к массам, а ведь таких путей у нас пока немного, ибо многие из них забаррикадированы социал-демократией. Те пути, которые доступны и дают нам возможность обращаться к социал-демократическим рабочим, для нас чрезвычайно важны, и необходимо их максимально использовать.

VI. Против ультра-левых и правых уклонов!

Ультра-левые в Германии.

За последние годы наблюдается некоторый рецидив ультра-левых уклонов в некоторых партиях: в Германии, Польше, отчасти в Италии, отчасти во Франции, отчасти в Норвегии. Особенно яркий пример мы имели в Германии и Польше, где эта болезнь выявилась особенно отчетливо. И на мой взгляд далеко не случайно, что ультра-левые ошибки проявляются именно в данный переходный момент,— ведь уже совершенно ясно видно, что 1925 год до известной степени является переходным годом, например, в вопросе о стабилизации, в вопросе о развитии левого крыла рабочего движения, в вопросе о том, как низко упадет кривая реформистских иллюзий. Наше влияние в некоторых странах начало расти, чувствовалось, что стабилизация не так уж сильна. Этот именно момент и был подходящим для ультра-левого рецидива, который и наступил в очень тяжелой форме. Нельзя сказать, что в лагере ультра-левых не чувствовалось известной подготовки и организованности. Во всяком случае слаженность и сговор, очевидно, были между ультра-левыми Польши и Германии. Некоторые польские товарищи всегда «своевременно» оказывались в Берлине, чтобы защищать «польскую» ультра-левую точку зрения; я не думаю, что ультра-левый поход против линии Коминтерна возник путем непорочного зачатия. Он был до известной степени организован. В особенности эта организованность сказалась в Польше, где ультра-левый ЦК партии одновременно выступил против французской, германской, болгарской партий и, собственно говоря, против всего Коминтерна. Мы должны были повести с этим борьбу. И повели.

Как пойдет дело теперь? Здесь в зале находятся признанные представители ультра-левых всевозможных оттенков, что мы искренно и приветствуем. Здесь Бордига, Рут Фишер, Розенберг, Шолем, Домский—они будут говорить, мы будем отвечать. Не буду упреждать событий. Возможно, что мы услышим новые теории. Я с величайшим интересом следил за последними вестями из Германии об ультра-левых. Из них можно усмотреть, что ультра-левые начинают раздробляться. Мы говорим об этом не из чувства злорадства. Это ведь наши товарищи по Интернационалу. Ведь мы не хотим вести такую политику, как будто бы мы имели

дело с классовым врагом. Те товарищи, которые серьезно и искренно отказались от своих ошибок, смогут, я думаю, работать под руководством Центрального Комитета, если они хотят итти по пути, намеченному Коминтерном. Но это надо доказать делом, а не декларациями только. А по отношению к другим—борьба до конца. Мы хотим, чтобы была полная ясность в этом вопросе. Итак, этот рецидив ультра-левой болезни был одним из важнейших событий в жизни Коминтерна за последний год. Мы должны были против него бороться, и боролись.

Как вы знаете, товарищи, в наших тезисах сказано, что в наиболее резкой форме проявилось течение правых во Франции и ультра-левых в Германии. Борьба против «ультра-левого» уклона в Германии и правого во Франции определяет сейчас путь Интернационала. Не надо забывать: именно успехи тактики единого фронта могут иногда увеличить правые опасности. Нынешние руководители германского ЦК, которых мы поддерживаем, вполне сознают, что в ближайшем будущем, когда мы пойдем широким единым фронтом, неизбежно всплывет правая опасность. Правая опасность проявилась у нас в целом ряде стран. Во Франции это—главная опасность. В Италии следы ее имеются у отдельных товарищей; некоторые из них даже на партсъезде защищали теорию, по которой государство стоит над классом. Правые опасности имеются в Норвегии, Голландии, где такие руководители, как Вайнкоп и Равенштейн, занимают недопустимую позицию. Равенштейн перекочевал в буржуазные газеты и оттуда обстреливает коммунистическую партию в Голландии. Правые ошибки мы видим и в Румынии, где в них повинен Кристеску, один из известных руководителей партии.

Мы должны и эти опасности учесть. Мы знаем, что в такой стране, как Германия, подобного рода настроения вполне возможны.

Итак, товарищи, тактика наша в этом вопросе остается старой: ни правым, ни ультра-левым никаких уступок. Мы должны взять отдельные секции и спросить себя: какая опасность является наиболее актуальной в Германии, во Франции, в Италии, и, в зависимости от степени опасности, ударить по ней в первую очередь и разоблачить до конца.

Думаю, что в тезисах Коммунистического Интернационала мы придерживались правильной линии. Мы, понятно, не могли всего перечислить. Но главное мы перечислили: ультра-левая опасность в Германии, правая—во Франции.

Некоторые скажут: вы забыли Балканы; не сказано ни слова о КИМ, о женщинах; слишком мало уделено внимания Норвегии и т. п. Но мы не можем останавливаться на всех этих подробностях, мы можем указать лишь наиболее важные моменты, самые характерные для данной ситуации, и наметить общую линию.

Последние дни принесли кое-что новое. Говорят, что Розенберг и Шолем начинают солидаризироваться с нами; мы имеем заявление от т. Вебера и других товарищей, что Шолем уже не ультра-левый. Мы пока еще в этом не убедились. Посмотрим, как развернется работа и после пленума, но до сих пор дело обстояло так, что ультра-левая опасность в Германии была наиболее сильной, и это верно и для сегодняшнего дня. В последнее время мне казалось,—и я это высказал на заседании президиума ИККИ,—что в Германии существует даже опасность возникновения параллельной партии ультра-левых. Не знаю, преувеличивал ли я эту опасность. Если да — тем лучше. Партия ультра-левых при данных обстоятельствах была бы исторически обречена на гибель, но повредить нашему делу она могла бы.

В германской партии проявлялись и другие болезненные симптомы. Все вы, вероятно, помните статью Шенланка и историю его исключения. Иногда говорят, что одно лицо ничего не значит. Но как и в истории с Зейцем, здесь не персональный вопрос. Некоторые товарищи говорят, что Шенланк—честный парень, он не продается. Никто из нас этого и не говорил, но он—человек, который понимает, о чем идет речь, и который выразил то, что другие думают. ЦК его исключил, и один товарищ, тов. Шолем, при этом воздержался от голосования. (Возглас Шолема: «Из недоверия к ЦК».) Я не знаю, с какой точки зрения можно питать недоверие к ЦК, исключающему человека, честно признавшего себя сторонником социал-демократии. Странно, что как раз в этот момент тов. Шолем счел нужным питать недоверие к ЦК. (Возглас Шолема: «Это было в момент письма ИККИ.) Письмо ИККИ—один из лучших документов Коминтерна. (Возглас Шолема: «Не нахожу».) Если вы этого еще не признаете и если ближайшее будущее вас в этом не убедит, тогда вы безнадежны. Думаете ли вы, что дальнейшее благополучное развитие германской партии было бы возможно без этого письма? Я не говорю, что письма делают историю, но в данном случае и при данной обстановке мы достигли очень многого,—и письмо оправдало себя на все 100 проц.

Правая опасность во Франции.

Несмотря на вопли правого крыла о развале и гибели французской партии, положение ее объективно благоприятное. Правые во Франции кричат, что ФКП «умирает». Они буквально повторяют то, что в 1910 году говорили русские ликвидаторы. Наши враги умеют лучше оценивать положение.

Одно чрезвычайно компетентное и авторитетное лицо из политического мира, находящееся в Париже, дало такую оценку коммунистической партии Франции и ее работе:

«Коммунизм за последнее время достиг во Франции заметных и неоспоримых успехов.

На-ряду с имевшимися до сих пор уличными беспорядками стали заметны явные признаки разложения в рядах наших войск и полиции. Все несчастья, которые постигают страну, коммунисты стараются использовать для своей агитации во вред Франции и ее престижу.

Почему коммунисты сумели достигнуть таких успехов?

Потому, что они нашли в стране благоприятнейшую для возмущения почву. Противоречия между отдельными группами правящей партии, жесточайший финансовый кризис, усилившееся недовольство средних и мелких слоев населения, вызванное новыми налогами, а, главное, упорная и кровавая марокканская авантюра, которую вот уже сколько месяцев ведет Франция для защиты своих интересов в Африке и на Средиземном море, дают богатейший материал и благоприятную обстановку для коммунистической антиправительственной агитации. Войну в Марокко французские и итальянские коммунисты, живущие во Франции, использовали для антимилитаристической агитации в стране и в войсках. Эта агитация имела большие успехи. На улице раздавалось «ура» в честь независимости Марокко и его вождей. Среди войск распространилось дезертирство и усилились отказы от активных действий или отправки на фронт. На 2-е августа была назначена всеобщая забастовка протеста против войны. Массовое дезертирство приняло такие размеры, каких еще не замечалось до сих пор ни в одной войне. Были даже случаи перехода на сторону противника целых отрядов. На-ряду с этим в Бресте имели место забастовки и бунты экипажей на некоторых кораблях. Большевизм стал даже проникать в ряды общественной и гражданской администрации, особенно почтовых и банковских работников».

Это говорит наш классовый и в достаточной мере на-

блюдательный враг. Заподозрить его в симпатиях к нам абсолютно немыслимо. Правая же оппозиция, которая не представляет собой однородного целого, оценивает положение иначе. Нами уже в тезисах было отмечено, что в рядах правой оппозиции мы имеем три течения.

Первое—бывшие синдикалисты, проделывающие попятное «развитие» от коммунизма к реформизму. Тут ничего больше не поделаешь. Я вспоминаю, что когда Росмер заявил, что он вступит в партию, то я держал пари с одним товарищем—другом Росмера. Я был уверен, что Росмер в партию не вступит. Пари было мною проиграно. Росмер в партию вступил, но через полтора года на деле из нее вышел. Он слишком синдикалист, чтобы стать коммунистом. Мы идем вперед, а правые хотят, чтобы мы шли назад.

Второе направление—Суварин. По своему характеру это течение настолько пропитано антикоммунистическими и реакционными настроениями, что во многом напоминает бубниковщину. Я не хочу этим сказать, что Суварин по своему персональному облику представляет собою то же, что и Бубник. Бубник прямо продался буржуазии. Я не говорю этого о Суварине. Но объективное назначение этой группы то же самое: разлагать компартию.

Третья группа (Лорио)—дает пример обратного развития к социал-демократии. Один товарищ сообщил мне точку зрения Лорио о Коминтерне, заслуживающую внимания. Когда русская революция была в опасности, то тогда, по мнению тов. Лорио, мы, иностранные революционеры, должны де были какой бы то ни было ценой стоять настраже ее. В этот момент мы, иностранные социалисты, приняли 21 условие, ленинские принципы, мы признали все потому, что русская революция для нас священна, и она была в опасности. Однако, когда она укрепилась, настал момент пересмотреть и то и другое, пользуясь абсолютной свободой критики.

У меня нет документов в подтверждение этих слов. Быть может, они неверны, и товарищ Лорио, если захочет, сможет возражать против них. Но, поскольку я знаю Лорио, подобная концепция у него вполне вероятна. По Лорио выходит, что ленинизм был верен в момент опасности для русской революции, но неверен в момент, когда опасность преодолена. Говоря вообще, это—обратное развитие к социал-демократии. Разумеется, надо сделать все возможное, чтобы снова ввести группу Лорио в русло КИ и постараться изжить у них эти нездоровые настроения. Но если это не удастся, значит ничего не поделаешь.

Во французской правой есть и хорошие рабочие, недовольные режимом партии и отчасти выступающие против ЦК. Там проводилась слишком механическая централизация, и—говорю откровенно—там было слишком мало демократизма в партии. Некоторые рабочие поддерживали оппозицию и лишь в виде протеста против этих условий. Я рад сообщить, что ЦК французской партии на конференции в декабре 1925 года сам признал эти ошибки. Для Германии сначала пришлось писать открытое письмо из Москвы. Во Франции товарищи из ЦК сами пришли к такому выводу и сами написали письмо. Разумеется, это гораздо лучше. ЦК понял свои ошибки, и я думаю, что это самое важное, и что таким образом лучшие элементы оппозиции будут снова завоеваны партией.

Принципиальная линия правых.

Остановлюсь на принципиальной стороне правой оппозиции. Оппозиция эта, во-первых, борется против реорганизации партии на основе производственных ячеек. Вам, конечно, известно письмо правых в ИККИ за 250 подписями. Начнем со взглядов оппозиции по организационным вопросам.

«Ячейки во Франции,—вещают они в своей декларации,—не могут быть теперь основой партии. Утверждать противное—значит не учитывать экономики страны и структуры современных крупных капиталистических государств, утверждать противное—значит обманываться насчет истинного соотношения социальных сил, толкающих партию к быстрой и полной ликвидации. Но не одни только эти причины показывают настоятельность нового режима партии. В ячейки легче проникает кумовство, и, кроме того, они наталкиваются на внутренние трудности, способные привести их к гибели. Мы убедились на опыте, что существование ячейки зависит от способности и устойчивости секретаря.

Но трудно найти в одной и той же местности достаточное количество секретарей, способных оживлять политическую жизнь праздных ячеек. Вот почему товарищи ограничиваются тем, что справляются с текущими делами, с распространением листовок, летучек, рассмотрением вопросов, интересующих завод, к которому они принадлежат. Время от времени они выслушивают отчеты делегата в районе и просят его говорить быстрее, ибо каждый торопится вернуться к себе, так как часто живет далеко от места работы. Самые важные вопросы обсуждаются очень небрежно. Часто расходятся, не приняв никакого решения.

Воспитание членов партии не проводится и не может проводиться при таких условиях. Бесполезно увеличивать число пропагандистов, ибо результат будет тот же. Ячейки и дальше будут разлагаться, так как некому оживлять их работу. Для спасения партии нужно решительно отказаться от методов, применяемых уже в продолжение года. ЦК предлагает развить аппарат и, кроме того, создать «уличные ячейки» и «подрайоны». К чорту все эти измышления! Они только усиливают зло вместо того, чтобы исправить его.

В этом письме мы не претендуем на подробное рассмотрение вопроса об организации партии. Мы ограничимся лишь заявлением, что нужно немедленно вернуться к территориальной секции, как организационной основе партии, вовсе не упраздняя заводских ячеек и даже стараясь расширить их сеть...»

Вы можете сами оценить опыт построения фабрично-заводских ячеек в наших заграничных секциях хотя бы по работам только что закончившегося оргсовещания при ИККИ. С V конгресса, где впервые мы по-деловому поставили этот вопрос, нами в этой области проделана большая работа, и она показала, что мы на правильном пути. Мы проведем эту систему с некоторыми необходимыми коррективами, но самый тип правилен. Интересно, что ультра-левые в Италии точно так же, как правые во Франции, восстали против этой системы. Почему? Всякий понимает, что фабрично-заводские предприятия и ячейки на них являются для нас основой, но правые и ультра-левые оспаривают это.

Однако, гораздо интереснее постановка и освещение политических вопросов в этой декларации правых и в частности о марокканской войне.

«ЦК захотел,—пишут они,—во что бы то ни стало навязать идею эвакуации Марокко и братание, которое при данных условиях является словами, неспособными к чему-нибудь привести...

Почему, в самом деле, не говорить об эвакуации Ниццы, Савойи, Корсики? До сих пор лозунг эвакуации привел только к неудаче единого фронта против войны в Марокко, уже близкого к осуществлению».

Да простят мне подписавшиеся под этим «историческим» документом товарищи, но иначе, как социал-патриотическим взглядом, подобную точку зрения назвать я не могу. (Голоса: «Правильно!») Если они так добродушно говорят об аннексии Ниццы и т. д., о том, что надо приспособляться к политике буржуазии, то они просто-напросто социал-патриоты. Это означает: что делает буржуазия, то для нас

закон. Здесь эта группа обнаружила уши прямо соглашательские. Это более всего меня возмутило.

Несмотря на все ошибки, наша партия храбро боролась против войны, и вот в этот момент выступает такого рода оппозиция, оказывает услуги буржуазии и пишет письмо против Коминтерна, говоря в этаком насмешливом и презрительном тоне: «Почему нам не потребовать эвакуации Ниццы и т. д.?» Это—социал-патриотический язык.

ЦК французской партии мог сделать всевозможные ошибки, но уступок с.-д. принципам он не делал никогда.

Антипартийная политика „250".

В конце письма я читаю: «Партия задыхается, партия умирает, а тем временем возрождается, благодаря своим 100 тысячам членам, социалистическая партия и снова завоевывает утраченное после раскола в Туре влияние. Капитализм укрепляется, стабилизируется и смотрит с уверенностью в будущее».

Итак, наша партия умирает, социалистическая партия растет, капитализм с доверием идет навстречу будущему. Должен сказать, что то авторитетное лицо, на которое я ссылался несколько выше, понимает положение во Франции лучше, чем Лорио.

Конечно, необходимо приложить все усилия, чтобы завоевать для партии хороших товарищей и пролетариев из оппозиции, но с этим правым уклоном необходимо бороться до конца. Если пойдем на такие уступки, то что же останется от Коммунистического Интернационала, кроме вывески. Партия должна уметь вести практическую работу, руководить широкой дискуссией и в то же время бороться против правого крыла, она должна поставить вопрос о дисциплине. Ведь во Франции было форменное восстание в партии. Были изданы прокламации против партии с 250 подписями, листовки и т. д. Решениям центральных органов не подчинялись. Ряд членов партии из оппозиции участвовал в журналах, издающихся исключенными из партии Росмером, Сувариным и К⁰ и имеющих ярко выраженное антипартийное направление. Здесь присутствует рабочий из оппозиции. Я спрашиваю его, как он может защищать такие вещи, как он может допустить, чтобы терпелись такие письма, чтобы члены партии сотрудничали с Сувариным. Некоторые говорят: «Подписывались не читая». Это возможно, это бывает иногда. Но почитайте теперь. Что это означает? Вас тянут назад к социал-демократии. Партию критикуют, как будто

бы слева, пытаются использовать каждую ошибку и всю жизнь партии поставить на ложные рельсы. В то время, как партия в действительности находит вновь пути к рабочим массам, все теснее связывается с ними и становится единственным выразителем настроений французского пролетариата, ей говорят, что она умирает. Но эти песенки знакомы и нам, русским большевикам. Наши меньшевики всегда это утверждали и кончили тем, что сами умерли политически. Люди, которые сейчас кричат об этом во Франции,— политические трупы, а наша партия во Франции, как и германская, сделает огромный шаг вперед, несмотря на все совершенные ею ошибки.

Я не хочу этим сказать, что во французской партии все обстоит великолепно; у нас будет комиссия, и мы подробно об этом поговорим. Здесь я могу от этого воздержаться. Имеются во Франции также некоторые проявления ультралевой опасности. Они сказались в особенности на последнем заседании расширенного ЦК, и их нужно еще изучить. Особенно плохо обстоит дело с теми течениями, которые, не причисляя себя к ультра-левым, на самом деле совершают ошибки ультра-левого типа. Я имею здесь в виду больше всего работу в профсоюзной области. Мы говорили в тезисах, что во Франции не все сделано для создания единого фронта в профсоюзной области. Что это означает объективно? Это—уклон, сводящийся к непониманию тактики единого фронта. Необходимо устранить отрицательные стороны организационного режима в партии, необходимо бороться с тем, что было в партии плохого, необходимо отнять почву у ультра-левых в области профсоюзной работы.

Но самым решительным образом мы должны бороться прежде всего против правой оппозиции во Франции, потому что, если бы наша партия сделала ей какие-нибудь принципиальные уступки, то она не была бы коммунистической партией.

VII. Заключение.

Профсоюзный вопрос.

Что касается наших задач, то они изложены в специальной части тезисов. Я не буду их повторять, так как в общем и целом они уже намечены.

Думаю, что нам придется внести больше ясности в вопросы о частных требованиях.

Надо предложить всем секциям выработать программы

действия на определенный промежуток времени на основе частичных требований. Они должны быть выработаны совместно с Исполкомом. В первую очередь мы должны сосредоточить внимание на профсоюзной работе. В германской резолюции сказано, что 75 проц. внимания должно быть посвящено профсоюзному вопросу. Эту верную мысль надо повторить и в международном масштабе, она должна стать рычагом тактики единого фронта.

В связи с этим я хотел бы сказать несколько слов по вопросу о том, допустимо ли сепаратное вступление русских профсоюзов в Амстердамский Интернационал. Я предостерегаю против того, чтобы ставить вопрос о возможности вступления русских профсоюзов лишь в национальном масштабе. Это—ярко выраженный международный вопрос, и его нельзя решить только с французской, германской, английской, американской или русской точки зрения. Если существует международная проблема—насквозь международная,—то именно эта. Может быть, что для одной—другой страны, и даже очень важной страны, было бы удобнее, если русские профсоюзы пойдут в Амстердам. Но если поставить вопрос в международном масштабе, для всего Коммунистического Интернационала, то ни на одну минуту не может быть речи о том, чтобы русские профсоюзы сепаратно пошли в Амстердам. Мы должны подтвердить то, что было сказано по этому поводу ЦК ВКП (б) и что включено в наши тезисы.

О молодежи.

Несколько слов по вопросу о молодежи. Организации молодежи совершают те же ошибки, что и партии, и отчасти добиваются тех же успехов. Мы можем отметить успешное применение тактики единого фронта, приведшее к укреплению наших позиций, в особенности благодаря приезду четырех делегаций молодежи в СССР, затем отход независимой социалистической молодежи в Вене от социал-демократии к нам и т. п. Что касается английского комсомола, то лучшей похвалой для него является отзыв о нем на страницах «Дейли Мейль».

«Члены комсомола, которые считаются специально подготовленными для пропаганды среди детей, направляются в парки, на улицы, площадки для игр с детьми. Им советуют, когда дети немного устанут, сказать: «Не выучить ли нам новую песенку?». Детишки сначала будут относиться к этому подозрительно, будут стесняться, но в конце концов при-

соединятся к пению «Красного Знамени», «Интернационала» или какой-либо другой революционной песни».

Если наши английские комсомольцы действительно так широко развернули работу, то мы должны приветствовать этот успех комсомола и поздравить наших юных английских товарищей.

Итальянская молодежь шла раньше за ультра-левыми. Теперь она—за линию Коминтерна.

Задача комсомола заключается теперь в правильном применении тактики единого фронта, в первую очередь в профсоюзах, чтобы втянуть в свои ряды широкие массы рабочей молодежи.

Затем пожелаем КИМ: поменьше общих тезисов, ближе к повседневной жизни и быту молодежи!

О внутрипартийной демократии и руководстве Коминтерном.

Я хотел бы еще в самых кратких словах упомянуть о наших внутренних задачах. Отчасти я затронул этот вопрос в первой речи о дальнейшем руководстве и о внутреннем режиме.

По вопросу о внутреннем режиме партий у нас есть специальный тезис—о демократизации партии. Думаю, что вопрос этот достаточно ясен. Рабочие-коммунисты должны добиться подлинного проведения внутрипартийной демократии.

Что касается руководства Коминтерном, то я хотел бы сказать об этом несколько конкретнее. Вы знаете, что на XVI партсъезде ВКП был открыто поставлен вопрос о том, что теперь надо в большей степени, чем прежде, привлечь представителей заграничных секций к фактическому руководству Коминтерном. Думаю, что вопрос этот был поставлен правильно, и что эту задачу необходимо решить. И до сих пор были постановления о том, что лучшие силы должны быть посланы в руководящий орган Интернационала. Но на деле не только не посылали лучших сил, но вообще не посылали никого. А иногда присылали людей вроде Каца. Думаю, что теперь наше решение не должно оставаться на бумаге. Руководство КИ должно принять более коллективный характер. Задачи растут, они огромны и сложны. Они могут быть решены лишь на основе коллективного руководства, лишь тогда, если лучшие силы будут оставляться здесь на полгода, а не только на короткий срок.

Больше самостоятельности!

Еще одно: мы на прошлом пленуме говорили чешской партии, что поможем ей найти политическую линию, а все остальное она должна сделать сама. Чешская левая сама должна была итти в массы. У Москвы—широкие плечи, но нельзя всегда сидеть за этими плечами. Мы видим, что чешская левая собственными усилиями пустила корни в массах и попыталась массы завоевать. Теперь мы должны сказать всем партиям: «Больше самостоятельности!». Почти каждая партия имеет собственный большой опыт, достижения и ошибки. Надо быть самостоятельнее, а не только ждать того, что скажут в Москве. Эти мои слова не имеют ничего общего с той антимосковской позицией, которую занимали некоторые ультра-левые и правые и которая по существу означает отрицательное отношение к диктатуре пролетариата. Подобные настроения и ультра-левых и правых с воодушевлением приветствуются буржуазией и социал-демократией. Мы знаем, что у некоторых они возникают под влиянием национального чувства, которое имеет очень глубокие корни, против этой опасности всегда предостерегал нас и Ленин. Но есть и такие рассуждения, что мол Россия—страна крестьянская, отсталая и т. д., где же ей руководить Коминтерном. Мы уже заявляли, что в тот момент, когда произойдет вторая победоносная пролетарская революция в большой стране, мы обсудим, не надо ли нам организоваться иначе, а до тех пор наибольшее влияние в Коминтерне должно быть сохранено за партией страны первой пролетарской диктатуры. С этими «антимосковскими» настроениями необходимо бороться и дать им решительный отпор. В этом вопросе никакой недоговоренности оставаться не должно.

Но чувство уверенности и самостоятельности должно расти в наших партиях. Они должны сами выбирать своих руководителей. Коминтерн иногда бывал в таком положении, что на другой день после партсъезда мы должны были снимать какой-либо ЦК и назначать другой. Разумеется, если исключительная обстановка этого требует, то ничего не поделаешь. Но при более или менее нормальном положении *этого быть не должно*. Надо так организовать дело, чтобы руководящие кадры действительно вышли из самой партии, чтобы сама партия выбирала лучшие силы для руководства. Необходимо создать новое поколение руководителей. Каждая партия должна проявить в этом отношении больше энергии.

Если бы все эти предложения мы внесли три или четыре года тому назад,—это была бы фраза. Почему? Потому, что тогда партии были еще слишком слабы, они болели еще многими детскими болезнями. Теперь положение изменилось, партии окрепли и развились, они изжили и изживают целый ряд кризисов. Итак: больше демократизма внутри партии, больше коллективной работы в руководстве Коминтерном и больше самостоятельности отдельных партий при выборе своих руководителей и при определении политической линии! И в то же время Коминтерн остается централизованной мировой ленинской партией, без которой мы не сможем выполнить стоящих перед нами задач. Это ясно.

Итак, ни в коем случае не следует думать, что мы предпринимаем ревизию IV или V конгресса, хотя мы чаще всего подчеркиваем значение III всемирного конгресса. Наш лозунг, лозунг, выдвинутый Лениным: к массам! Этот лозунг понимается не всегда верно и толкуется подчас слишком механически. Многие товарищи думают, что итти к массам значит только твердить рабочим: «Идите в коммунистическую партию». Нет, вопрос не так прост. Этот лозунг требует, чтобы мы на всех путях и окольных дорогах искали массы—через профсоюзы, через кооперацию, через организацию молодежи, через непартийные организации, спортивные, культурные и др. Мы должны искать и находить эти массы. Тов. Чильбум сказал в одной комиссии, что в Швеции у некоторых товарищей такое настроение,—об этом даже сложилась пословица,—что тому, кто в три дня не развился в коммуниста, следует «плюнуть в лицо». Если уже необходимо применять в данном случае такие сильные слова, то скорее можно уж сказать обратное. Человек, который в три дня становится коммунистом,—это дешевый товар.

К массам! За рабочее единство!

Что нам необходимо теперь, это—терпение и умение завоевать массы. Время у нас есть.

Некоторые товарищи думают, что если массы завоевать окольными путями, значит надо итти в Амстердам и признать нашу оценку социал-демократии неверной. А если этого не признаешь, то ты де «в плену у ультра-левых настроений» и т. д. В тезисах указаны основные моменты международного пролетарского рабочего движения, как они нам рисуются. Ряд способов для улучшения нашей работы найден, и най-

дены те формулы, которые могут привести нас к массам. Нами конкретизированы те основные пути, которые указаны предыдущими конгрессами, и в частности теми, которыми руководил непосредственно Ленин.

Единственными действительными поборниками за единство рабочего движения являемся только мы, только наши коммунистические партии, только наш Коммунистический Интернационал, имеющий за собой первое рабочее государство. Только мы берем на себя задачу объединить международный рабочий класс на нашей базе, на почве Коммунистического Интернационала, на почве интересов и великих задач рабочего класса.

Теперь кое-где левые реформисты заговорили об объединении III Интернационала со II Интернационалом. Мы получили письмо от независимой рабочей партии Англии, предлагающей нам подобное объединение. Конечно, мы от этого письма не отмахнемся, а будем подробно на него отвечать. Мы напишем такое письмо, которое должно оказать педагогическое воздействие на английский рабочий класс. На самый вопрос, существует ли возможность объединения II и III Интернационалов, мы можем ответить, не задумываясь ни на одну минуту: «Нет!» Коммунистическая партия—важнейшее орудие рабочего класса в его освободительной борьбе. Создание самостоятельных, хотя бы и маленьких, коммунистических партий для рабочего класса имеет первостепенное значение. Пусть коммунистическая партия очень мала, пусть она совершает еще иногда величайшие ошибки (эти ошибки мы будем исправлять), но она является единственным историческим рычагом освободительной борьбы рабочего класса. Итак, на вопрос об объединении Интернационалов мы можем ответить лишь категорическим «нет!» И не только в международном масштабе, но и в масштабе каждой отдельной страны. В настоящем положении нам предстоит основная задача—создать единство рабочего класса на почве ленинизма, на почве Коммунистического Интернационала, который пока еще не имеет за собой большинства рабочих, но который это большинство завоюет и освободит рабочий класс от ига капитализма.

Заключительное слово по докладу на расширенном пленуме ИККИ 8 марта.

I. Борьба за большинство рабочего класса.

Мировая буржуазия о сессии расширенного ИККИ.

Товарищи, работы нашего пленума только приближаются к концу. Между тем наши тезисы и наша дискуссия нашли уже отзвук в некоторых буржуазных парламентах, не говоря уже о буржуазной прессе, которая оживленно комментирует наше совещание. Кое-что в этих оценках буржуазии не лишено интереса. Германская буржуазная печать иногда пробует представлять дело так, будто бы центр тяжести наших работ направлен «против Англии». Во французской буржуазной печати раздаются голоса, будто наши работы направлены главным образом «против Америки». Статья в «Дейтше Альгемейне Цейтунг», посвященная сессии ИККИ, так и озаглавлена: «Анти-английские настроения Коммунистического Интернационала». Французская газета «Эко Паризиен» считает, что лозунг нашего совещания (это де новый «конек» Коммунистического Интернационала) гласит: долой Америку.

Мне нечего перед вами серьезно опровергать этот вздор. Коммунистический Интернационал—организация мировая, и борется он против мировой буржуазии.

Правда то, что наш пленум на этот раз серьезнее и внимательнее, чем когда-либо до сих пор, занимался вопросами, касающимися Англии и Америки. Это потому, что эти две страны, особенно вторая, занимают все более первенствующее место в мировой политике. То обстоятельство, что мы так много внимания уделяли Америки и Англии, доказывает лишь, что мы постепенно все больше вырастаем в мировой Интернационал.

В английском парламенте происходила маленькая, но интересная и оживленная дискуссия в связи с нашими прениями. Член консервативной партии мистер Холл запросил высокопочтенного Чемберлена, читал ли он наши тезисы и наш доклад и не намерен ли он (т.-е. Чемберлен) принять какие-либо меры в связи с нашим выступлением. Чемберлен горделиво заявил, что он хорошо информирован о нашем докладе. При чтении его он убедился, что мы выступали не только против английской буржуазии, но и против буржуазии других стран. Повидимому, это должно было послужить некоторым утешением членам английского парламента. Г-н Чемберлен похвастался далее тем, что он в отличие от мистера Холла читал более подробное изложение нашего доклада и что именно из этого более подробного доклада он убедился в том, что мы не ограничились «нападками» на одну английскую буржуазию. Чтобы облегчить дальнейшую дискуссию этим почтенным господам, вы, быть может, найдете нужным поручить тов. Пятницкому от имени секретариата послать всей этой почтенной компании полную стенограмму наших прений. (Смех.) Мистер Холл и г. Чемберлен интересовались еще также вопросом о том, кто такой тов. Самбри, вошедший в английскую комиссию, избранную расширенным исполкомом: является ли он англичанином или американцем. В обоих случаях они не прочь были бы его «арестовать и препроводить». На этот вопрос мы предоставим им самим искать ответа.

Что мы являемся противниками не только английской буржуазии, но и буржуазии всего мира,—это верно. Но все-таки мы умеем отличать более могущественного и более опасного врага от более слабого. Возьмем, например, г.г. Цанкова и Чемберлена. Если говорить о лицах, то оба они пользуются у нас одинаковой «любовью». Мы могли бы выразить совершенно определенное пожелание в отношении обоих этих господ. Но мы все же понимаем, что, несмотря на то, что в личных качествах Цанков нисколько не уступает Чемберлену, объективно значение Чемберлена в настоящее время больше, чем Цанкова. Та группа буржуазии, от имени которой говорит теперь Чемберлен, несомненно, имеет гораздо большее значение и представляет собою гораздо большую опасность для международного рабочего движения, чем та, которую представляет Цанков. Этим и объясняется тот факт, что мы посвящаем больше внимание Чемберлену. Но, разумеется, персонально Чемберлен не особенно нас интересует. Если он завтра будет заменен другим,—а ведь это бывает, г. Чемберлен, смотрите судьбу Бриана,—то мы

перестанем тревожить его имя. Разве не естественно, что международный коммунистический пролетариат посвящает серьезное внимание консервативному правительству Англии.

Должен далее заявить, что нам и в голову не приходило выдвигать лозунг «долой Америку». Мы говорим: «долой империалистскую Америку». Несмотря на громадные объективные препятствия, с которыми приходится считаться в нашей работе среди американского пролетариата, мы прекрасно знаем, что в Америке у нас есть и друзья, что постепенно мы сконцентрируем там все большую и большую силу. Самые высокопоставленные американские деятели заявляют, что, пока существует Коминтерн, пока перед вами будет выступать такой грешник, как я, не может быть и речи о признании Советского Союза Америкой. Думаю, что это заявление не следует принимать слишком серьезно. Наш Интернационал, конечно, будет существовать и крепнуть и впредь, а СССР все-таки будет признан Америкой. Насколько я знаю настроение членов советского правительства, я могу поделиться с вами сообщением, что эти наши товарищи ожидают с полным спокойствием и абсолютной уверенностью того момента, когда Америка откажется от своей нелепой позиции по отношению к СССР и признает Советский Союз. Думаю, что это время уже не за горами. А если это признание и затянется, то советское правительство едва ли от этого поседеет.

Мы интересовались в наших прениях Америкой и Англией, но мы интересовались не только этими двумя странами. Наши задачи гораздо шире, и наша работа на пленуме и во всех комиссиях была гораздо содержательнее, чем думают выше цитированные мною газеты.

Авангард и широкие массы.

Что составляет содержание работ нашего пленума? Я думаю, можно сказать: главной проблемой, вокруг которой шли все наши работы, является вопрос о том, как нам теперь, после того, как мы отчасти уже завоевали авангард рабочего класса,—как нам теперь завоевать широкие массы, как завоевать большинство рабочего класса, большинство трудящихся. В конце концов все наши помыслы сосредоточены именно на этом вопросе.

Ленин писал однажды: «Пролетарский авангард идейно завоеван. Это главное. Без этого нельзя сделать и первого шага к победе. Но от этого еще довольно далеко до победы. С одним авангардом победить нельзя. Бросить один

только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо по крайней мере благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс»[1]).

Чтобы достигнуть этого, чтобы широкие массы, угнетаемые капитализмом, встали на нашу позицию, для этого необходима, стало быть, не только агитация и пропаганда, но и собственный политический опыт этих масс. И вот, я думаю, теперь можно без преувеличения сказать, что первая часть нашей задачи более или менее разрешается. Мы постепенно завоевывали, по крайней мере идеологически, пролетарский авангард. Организационно мы не закрепили еще и этой задачи. Но мы на пути к ее разрешению. Наши работы на данном пленуме посвящены именно вопросу о том, каким образом этот авангард теперь завоюет широкие массы. Я думаю, отсюда вытекает и вся тактика единого фронта, вся линия развития нашей тактики вообще. Было время, когда мы должны были какой бы то ни было ценой (хотя бы и ценой раскола старых социалистических партий) создавать прежде всего самостоятельные рабочие коммунистические партии. Это была борьба прежде всего за авангард пролетариата. После того, как эта часть нашей программы более или менее разрешена, всплывает новая, более важная и серьезная проблема: как завоевать теперь большинство рабочего класса. И вот, в этот период, естественно, выдвигается тактика единого фронта.

Ленин сказал в 1920 году (пусть к этому особенно внимательно прислушаются американские товарищи): «Если бы мы сейчас в России, после двух с половиною лет невиданных побед над буржуазией России и Антанты, поставили для профсоюзов условием вступления «признание диктатуры, мы бы сделали глупость, испортили бы свое влияние на массы, помогли меньшевикам. Ибо вся задача коммунистов— уметь убедить отсталых, уметь работать среди них, а не отгораживаться от них выдуманными ребячески-«левыми» лозунгами»[2]).

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 179. М. ГИЗ. 1923 г.
[2]) Там же, стр. 145, М. ГИЗ. 1923 г.

Я думаю, товарищи, что мы сейчас находимся именно в таком периоде, когда нам особенно важно подчеркивать не столько то, что отделяет коммунистических рабочих от социал-демократических и беспартийных рабочих, сколько то, что их объединяет как членов одного и того же класса. Теперь, когда мы в большей или меньшей степени завоевали авангард и стоим перед более высокой задачей—перед необходимостью завоевать большинство рабочего класса, мы должны во что бы то ни стало освободиться от «детски-левых», как выражался Ленин, лозунгов. Теперь, когда коммунистические партии выкристаллизовались, они должны уметь выдвигать и нести в рабочую гущу то, что сближает нас с самыми широкими массами рабочих и в частности с социал-демократическими рабочими.

Конечно, выполнение этой задачи ни в коем случае не означает отказа от борьбы против «ихнего», т.-е. социал-демократического, авангарда (авангарда в кавычках, разумеется, ибо верхушка социал-демократии, это—передовой отряд буржуазии в лагере рабочих), это не означает отказа нашего от борьбы против контр-революционных вождей социал-демократии.

«...Если нет у революционной партии,—говорит Ленин,—большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть речи о восстании» [1]).

У нас этого большинства еще нет. Неустанно работать над завоеванием этого большинства—вот главная задача эпохи.

Мы теперь переживаем ту эпоху, когда мы должны суметь помочь широким массам трудящихся накопить собственный политический опыт. Наша задача—шаг за шагом вести дальше рабочие массы. Наша задача—работать так, чтобы авангард не отрывался от широких масс и в то же время не переставал быть авангардом.

Мы завоевали часть авангарда. Это уже много. Это—большая победа, это—серьезный шаг вперед. Но это еще не завоевание большинства. Мы раньше думали, что одержим победу в несколько лет. Но времени потребовалось больше. В некоторых странах мы уже завоевали около половины рабочей массы, в редких случаях большинство. Все искусство нашей тактики должно выражаться в том, чтобы сближаться с широкими массами рабочих, в том числе и с.-д. рабочих, и в то же время подчеркивать то, что отличает нас от обуржуазившейся верхушки с.-д. руководства.

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 255. М. ГИЗ.

Оргсовещание при Коминтерне о методах организационного охвата широких масс.

Организационное совещание, происходившее перед открытием нашего пленума, по-моему, будет иметь довольно большое значение для осуществления нашей первой задачи: для лучшего объединения авангарда, для организационного его сплочения. Организационное сплочение авангарда нужно нам, как средство для достижения цели. Цель заключается в том, чтобы возможно более организованно, планомерно проникать в широкие массы трудящихся. Нам нужна крепкая и организационно спаянная партия, но нам нужно проявить также и большую гибкость. Оргсовещание единодушно подтвердило, что основной ячейкой коммунистической партии должна быть фабрично-заводская ячейка. Это незыблемо. Другого фундамента у коммунистической партии быть не может. И в то же время оргсовещание признало, что нам необходимо обнаружить достаточную гибкость и там, где это необходимо, суметь дополнить эту форму другими организационными формами. Теперь это уличная ячейка, но может наступить момент, когда потребуются еще и другие формы организаций. Мы не должны окостенеть. Мы должны считаться с конкретными особенностями в каждой стране, в каждом городе, в каждой профессии.

Тов. Куусинен представит вам резолюцию о новых методах и формах организационного охвата широких масс коммунистической партией. Я думаю, что эти предложения явятся ценным дополнением к резолюции III всемирного конгресса по организационному вопросу,—резолюции, которую специально одобрил и пропагандировал тов. Ленин. В последние годы нам удалось опереться и на ряд беспартийных организаций, принесших значительную пользу международному рабочему движению, как, например, МОПР, Межрабпом и т. д. Но теперь имеется возможность образовать еще новые организации такого же типа. Предлагаемая вам резолюция называет следующие новые возможные типы беспартийных организаций:

«Из сочувствующих уже нам массовых организаций в первую очередь коммунисты должны оказывать свою поддержку МОПР. Равным образом чрезвычайно важно участие коммунистов в работе организаций, которые, как, например, Межрабпом, развились как самостоятельные беспартийные организации и в настоящее время охватывают уже широкие рабочие массы.

В качестве новых сочувствующих нам организаций в ближайшее время во многих странах явятся союзы борьбы с войной и организации протеста против колониального гнета и порабощения народов Востока. В тех странах, где широкие рабочие и крестьянские массы питают живейшие симпатии к Советской России (особенно в связи с кампанией за посылку к нам рабочих делегаций), большое значение могут получить общества друзей новой России. Смотря по обстоятельствам, находят также широкое массовое применение организации пролетарской самопомощи и приобретают поэтому большое значение (как, например, в Германии союз красных фронтовиков). Помимо того, в различных странах целесообразно организовывать мелкие сочувствующие нам организации, как рабочие клубы, народные дома, просветительные рабочие союзы и студенческие союзы и т. д.

Во многих капиталистических странах целесообразным и действенным средством к укреплению и расширению коммунистического влияния на массы является развертывание формально беспартийной издательской деятельности в широком масштабе частью при помощи сочувствующих нам массовых организаций, частью же посредством специальных издательств».

Полагаю, что все эти конкретные указания, хотя еще недостаточно исчерпывающе разработанные, будут иметь для нас большое значение. Создать одну массовую, близкую нам беспартийную организацию иногда важнее, чем принять десяток тезисов. Сейчас, когда мы завоевываем и отчасти уже завоевали пролетарский авангард, нам необходимо строить мосты,—по возможности более прочные и многочисленные мосты,—которые ведут от авангарда к широким массам, ко всему классу. Где можно, надо делать это легально; если нельзя легально, то нелегально.

О работе в армии.

Последнее время мы несколько запустили агитацию в буржуазных армиях.

На-ряду с маленькой, скромной работой, на-ряду с заботой о повседневных нуждах рабочего и его семьи, на-ряду с умением использовать всякую возможность для объединения масс мы не должны забывать и таких больших задач, как пропаганда в армии. Эта последняя работа, разумеется, потребует серьезных жертв, но без этого мы свой революционный долг выполнить не сможем.

Представленные вам тезисы, которые, я надеюсь, будут

приняты после того, как мы дополнили их рядом поправок, внесенных братскими партиями, единогласно, правильно разрешают вопрос о том, как после завоевания авангарда найти путь, построить мосты от этого авангарда к массам. В этом— основное значение работы нашего пленума.

II. Об ультра-левизне тов. Бордиги.

Два уклона.

На нашем пленуме, как всегда, немалую роль играет борьба против двух уклонов: правого и ультра-левого. Повидимому, без борьбы против этих двух уклонов нам не обойтись еще в течение продолжительного времени. В «Детской болезни левизны» Ленин говорит: «Анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополняли друг друга»[1]).

Эти слова Ленина могут служить для нас руководящей нитью при разрешении вопроса об ультра-левых и правых опасностях.

Кто такой, собственно, ультра-левый? До конца последовательный ультра-левый, если такой вообще существует, является анархистом или почти анархистом. До конца последовательный правый есть оппортунист. Оба эти уклона, оба эти извращения марксизма, как говорит Ленин, взаимно пополняют друг друга. Анархизм часто был своего рода карой за оппортунистические грехи движения и наоборот. Партии, не сумевшие провести решительную борьбу с анархистским уклоном, неизбежно платили дань правым извращениям и наоборот.

Теперь, когда мы имеем уже довольно крепкую и спаянную коммунистическую мировую организацию, в наших рядах нет и не может быть ярко выраженных анархистов или оппортунистов. Но в начале работ Коминтерна дело обстояло несколько иначе. Мы сознательно допустили тогда в Коминтерн некоторых анархистов и синдикалистов (например, Коммунистическая рабочая партия Германии входила в Коминтерн в качестве сочувствующей партии). Мы делали это под руководством Ленина, считая, что к моменту непосредственного окончания войны, когда еще только начали складываться новые течения в международном рабочем движении, людям,

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., том XVII, стр. 125. М. ГИЗ 1923 г.

искренно стоявшим против империалистской войны и за международные действия пролетариата, надо дать возможность примкнуть к Коминтерну. В то же время мы вели переговоры с независимыми социал-демократами, т. е. с социал-демократической организацией, оторвавшейся от официальной социал-демократии. Но уже очень скоро Коминтерн должен был выработать знаменитые 21 условие, которые остаются в силе до сих пор. Весь дальнейший ход развития Коммунистического Интернационала характеризуется тем, что мы постепенно очищаем наши ряды и превращаемся в строгие большевистские партии.

Тов. Бордига сказал здесь: «Вот уже целый год, как мы большевизируем партии; мы должны подвести итог, и итог этот будет безотраден». Тов. Бордига, повидимому, считает, что год, это—очень большой срок для такого дела, как большевизация нескольких десятков коммунистических партий. Я этого не думаю. Никто из нас не рассчитывал, что в один год мы сможем большевизировать наши партии. Да, мы имеем уже за собою целых шесть лет истории Коммунистического Интернационала, а задача большевизации, разумеется, еще далеко не решена.

Итак, товарищи, мы должны прежде всего ясно понять, что ультра-левый и правый уклоны взаимно пополняют и питают друг друга, что лишь при правильной борьбе против обоих этих уклонов, против обоих извращений можно проводить подлинно марксистскую линию. Кто имеет действительное право выступать против ультра-левых, и кто может это делать с каким-либо успехом для дела марксизма? Только тот, кто действительно по-ленински борется и с правой опасностью. И, с другой стороны, кто имеет право, и кто с успехом для дела марксизма может бороться с правыми уклонами? Лишь тот, кто умеет по-ленински бороться с ультра-левыми ошибками.

Недавно исключенный из рядов германской коммунистической партии Шенланк перед самым своим исключением в программной статье писал: «По-моему, ошибки, которые ИККИ ставит в вину потерпевшему крах левому партийному руководительству, является результатом в течение ряда лет неправильно проводившейся политики Интернационала. Коммунистический Интернационал слишком поздно сделал основной и исходной точкой своей, приспособленной к новым условиям политики, ослабление революционно-активной борьбы. Идущая в авангарде рабочего движения наиболее воодушевленная волей к борьбе часть рабочего класса привыкла к схваткам и предпочитает битвы на поле сражения нудной

будничной работе. Коммунистический Интернационал слишком долго считался с этими ультра-левыми течениями. Попытки III всемирного конгресса одним ударом покончить с этой псевдо-революционной идеологией, оставленной позади ходом исторического развития, не удались, потому что тогдашнее положение коммунистических партий не позволяло им преодолеть сопротивление изнутри. Исходя из этой точки зрения, раскол независимой социалистической партии Германии в Галле не был политической ошибкой, так как массовый переход этой партии дал сильный толчок революционному рабочему движению».

Говорят, что Шенланк—по-своему убежденный и честный парень, но его «борьба» против ультра-левых, конечно, для нас неприемлема. Он борется против ультра-левых для того, чтобы самому стать социал-демократом. Шенланки не имеют права бороться против ультра-левых. Выступать против ультра-левых еще не значит самому быть марксистом и ленинистом. Нет. Иные выступают против ультра-левых ошибок только для того, чтобы самим проповедывать и совершать не менее вредные правые ошибки.

Анархизм и оппортунизм—две различные стороны одной и той же медали. Анархизм—своего рода кара за оппортунизм, а оппортунизм—зачастую только возмездие за анархизм.

Товарищи, как обстоит дело в этом отношении на данном расширенном пленуме ИККИ? Ультра-левые представлены у нас чрезвычайно богато,—можно сказать, во всех цветах радуги. Правые в смысле личного представительства на данном совещании представлены беднее, но это не значит, что правая опасность для Коминтерна вообще меньше.

На этот раз у некоторой части ультра-левых есть та общая черта с правыми, что они не высказываются открыто. Большая часть высказавшихся ультра-левых (за исключением, пожалуй, т. Бордиги) в своих выступлениях изображала дело так, что они вовсе не ультра-левые, что этот уклон им неведом и незнаком, что он их, пожалуй, совершенно не интересует и т. п. Одним словом, «я не я и лошадь не моя и сам я не извозчик». Исключение составляет, как мы уже сказали, тов. Бордига, который более смело идет в бой и пытается отстоять свои ветхозаветные взгляды.

В Германии в настоящее время существуют целых три ультра-левых группировки (или подгруппы). Имеются ультра-левые и в Польше, и в Норвегии. Кое-кто из этих товарищей, повидимому, все же не прочь исправить свои ошибки. Конечно, таким товарищам мы скажем: больше радости об одном раскаявшемся грешнике, чем о десяти праведниках.

Ну, а правая, где угрожает она нам сейчас?

Во Франции мы имеем сейчас очень серьезную правую опасность,—этот вопрос будет еще предметом особого обсуждения. В ходе самого нашего пленума ИККИ получены новые материалы из Чехо-Словакии, побуждающие нас внести специальную резолюцию против правых элементов в Чехо-Словакии. То же относится и к Норвегии. Только на этих днях получены материалы, говорящие о том, что некоторые влиятельные норвежские коммунисты скатываются к прямому ликвидаторству в самом подлинном смысле этого слова: готовы ликвидировать нашу собственную партию. Правая опасность существует также в испанской партии, где на верхушке имеется явно выраженное правое крыло, работающее заодно с Суварином. Правая опасность существует также в Голландии.

Мы имеем, стало быть, дело с двоякого рода опасностями и уклонами. В переживаемую эпоху и в данном этапе развития это, повидимому, неизбежно. Все дело в том, чтобы в данной конкретной обстановке, при данном фактическом соотношении сил, при данном конкретном ходе политического развития уметь правильно определить в каждой отдельной стране, каков удельный вес каждого из этих уклонов, какой из этих уклонов в данной обстановке опаснее.

Взгляды тов. Бордиги.

Рассмотрим внимательнее взгляды тов. Бордиги. Я внимательно вчитывался во все написанное им за последнее время. Его книжечка о Ленине на итальянском языке—существенный документ, в котором отразились все слабые стороны автора. Далее идет его «знаменитая» статья об оппортунистической опасности в Коммунистическом Интернационале. Дальше—его проект резолюции по вопросу о деятельности итальянской партии, предложенный недавно итальянскому съезду компартии и отклоненный им. Далее—обе речи товарища Бордиги, произнесенные на данном пленуме.

Во второй из произнесенных здесь речей тов. Бордига сознался, что сторонников у него в самой Италии маловато. Но он утешает себя по рецепту своего близкого единомышленника, который сказал ему: мы будем поступать, как евреи: если мы потерпели поражение в Италии, мы можем утешить себя тем, что евреи в Палестине тоже слабы, но в других местах сильны. (Смех.)

Итак, тов. Бордига сам признает, что в Италии его течение имеет не много сторонников, зато в других местах оно

сильно. Скромный вопрос: где же? Это большая загадка. Хорошо бы, если бы тов. Бордига разгадал нам ее. Если тов. Бордига хотел сказать, будто его ультра-левые взгляды завоевывают влияние в других партиях, то он, мне кажется, совершает серьезнейший «просчет». Ультра-левые взгляды постепенно отмирают и в других партиях, а не наоборот. Почему? Не в силу недобропорядочности лиц, возглавлявших ультра-левое течение, а в силу того, что ошибки их вскрыты и доказаны ходом рабочего движения во всех основных вопросах. Время сделало свое.

Тов. Бордига просит, чтобы его судили на основании его подлинных взглядов, а не приписываемых ему. В своей речи он сказал: «Я знаю, что я не слишком красив, но зачем же тов. Бухарину понадобилось еще искажать мой портрет». Постараемся же нарисовать политический портрет тов. Бордиги в полном соответствии с оригиналом. Я отметил себе семь пунктов, по которым, мне кажется, неправота тов. Бордиги доказана уже полностью. Можно было бы, вероятно, найти и 77 таких пунктов, но ограничимся главным.

Первый из них — вопрос о парламентаризме. Первый бой между Бордигой и Лениным в этом же зале происходил на II всемирном конгрессе Коминтерна по вопросу о допустимости использования в революционных целях парламентаризма коммунистами. Разве не ясно теперь, что тов. Бордига был в этом вопросе неправ, а прав был Коминтерн. Тов. Бордига считал тогда, что главным водоразделом между ним и нами является именно вопрос о революционном парламентаризме. Разве же не ясно, что тов. Бордига сделал тут большую ошибку.

Второй пункт — должна ли компартия быть массовой партией, или небольшой, но «чистой» партией (на деле сектой)? Тенденция тов. Бордиги сводилась именно к последнему. Это объяснялось в частности его позицией в отношении итальянских максималистов и прочее. И вот, я спрашиваю: разве на примере итальянского движения для всего Интернационала не доказано теперь, что тов. Бордига был неправ, а правы были мы? В каком положении были бы мы теперь, если бы мы не поставили себе с самого начала задачей создание во что бы то ни стало именно массовых коммунистических партий? Коминтерн был бы в настоящее время абсолютно невлиятельной сектой.

Третий вопрос — крестьянский. Вопрос немалый. Тов. Бордига вообще не уделял серьезного внимания этому вопросу. Но поскольку он высказывался по этому вопросу, он обнаружил, что позиция его и здесь была совершенно

неленинская, антиленинская. Ход развития целого ряда партий, и не в последнюю очередь итальянской партии, подтвердил правильность нашего ленинского разрешения крестьянского вопроса.

Четвертый пункт — пресловутые римские тезисы, выработанные тов. Бордигой. В них нашли полное отражение основные воззрения тов. Бордиги. Это его скрижали, это философия его течения. Бьюсь об заклад, товарищи, что в этих тезисах теперь любая комиссия, даже весьма доброжелательно настроенная к тов. Бордиге, не найдет ни одной верной строчки. Со времени этих тезисов минуло 4 года. События во всех странах, в том числе и в Италии, служат ярким опровержением этих тезисов. Как тов. Бордига этого не понимает,—для меня загадка. А он не понимает этого. Он остается «все в той же позиции».

Пятый пункт — вопрос о тактике единого фронта. Товарищ Бордига не занимает здесь слишком отчетливой позиции, но в общем можно сказать, что он несомненный противник тактики единого фронта. У нас накопилось уже достаточно опыта в доказательство того, что и в этом вопросе прав был Коминтерн, а не тов. Бордига. Взять хотя бы одну только Англию. Удельный вес английского рабочего движения колоссален. Каковы же результаты двухлетнего проведения тактики единого фронта в Англии? Даже слепому ясно, что только эта тактика открыла английским коммунистам доступ к массам. Английскому рабочему движению предстоит мировая историческая роль. Марксу и Энгельсу не удавалось завоевать для марксизма влияние в массах. Доступ к массам в Англии впервые нашел Коминтерн,—и, несомненно, благодаря тактике единого фронта. Я не буду уже говорить об опыте других стран; я утверждаю, что одного английского примера достаточно для того, чтобы опровергнуть все доводы тов. Бордиги против тактики единого фронта.

Шестой пункт — вопрос о фабрично-заводских ячейках, как фундаменте коммунистических партий. В одной из своих речей на этом пленуме тов. Бордига сказал: я не противник ячеек вообще, но политические вопросы должны обсуждаться не фабрично-заводскими ячейками, а общими собраниями членов партии. Я не вполне уясняю себе эту позицию. Неужто в самом деле тов. Бордига думает, что фабрично-заводские ячейки, действующие в гуще масс, не должны обсуждать политических вопросов? Что это за взгляд на ячейку, на завод, на рабочую массу? Ячейка только тогда есть серьезная комячейка, если она умеет на заводе втягивать в политическую жизнь рабочую массу. И с другой стороны, разве

когда-либо наши партии возражали против того, чтобы несколько ячеек собрались вместе и обсуждали в более широком составе политические проблемы? Может быть, в Италии, в условиях тяжкого подполья, это временно и невозможно, но только по конспиративным соображениям. Где же в самом деле, тов. Бордига, и кем выносились постановления, воспрещающие устройство ячейковых собраний? Таких постановлений, разумеется, не было.

Многое из написанного тов. Бордигой, в частности, названная мною его брошюра и статьи, в особенности проект резолюции, свидетельствует о совершенно ином понимании им роли партии. Вот откуда и его отрицательное отношение к фабрично-заводским ячейкам, как к первичным ячейкам компартии. Признавая за ячейками право на существование, но высказываясь против обсуждения ими политических вопросов, вы обнаруживаете явно немарксистский уклон. Признаться, мне показалось, что в вопросе о ячейках тов. Бордига начинает капитулировать. Этому можно было бы только порадоваться.

Седьмой пункт — чисто итальянский: отношение к бывшей фракции «III Интернационала» (Терцини). Многим из вас, вероятно, памятна та яростная борьба, какую вел тов. Бордига против объединения нашей партии с фракцией «III Интернационала», отколовшейся от максималистов (Терцини). Тов. Бордига боялся, что этим самым мы будто бы растворим партию, введя в нее неустойчивые элементы. В одной из своих статей тов. Бордига говорит, будто бы ему из достоверных источников известно, что Ленин на IV конгрессе был противником позиции, занятой конгрессом в вопросе о максималистах. Это неверно. Тов. Бордига пишет: у меня имеются данные, подтверждающие это, но я не хочу их использовать. Но ведь сообщив об этом, тов. Бордига тем самым уже использовал эти «данные». Поэтому было бы крайне желательно, чтобы эти «данные» были сообщены всему Коминтерну. Мне, как и всем другим русским товарищам, хорошо известно, что вся политика по итальянскому вопросу, как, впрочем, и вся политика IV конгресса, проводилась с полного согласия и одобрения Ленина.

Мы спрашиваем: чьи же взгляды подтвердились в этом вопросе? Разумеется, наши, а не тов. Бордиги. Разве группа «III Интернационала» не срослась теперь с партией? Разве не приобрели мы в ее лице ценные силы? Разве не помогают они нам в борьбе против максималистов и реформистов?

Полагаю, уж этих семи пунктов достаточно, дабы показать, что тов. Бордига неправ.

Тов. Бордига о ленинизме и партии.

В своих теоретических произведениях, посвященных вопросу о ленинизме, тов. Бордига раздваивается и частенько подходит к отрицанию ленинизма в очень важных вопросах. Так, например, в одной из своих статей т. Бордига заявляет: к чему измышлять какой-то особый ленинизм? Тов. Бордига пишет: «В основе нашего движения лежит теоретическая система, являющаяся законченным мировоззрением: речь идет о марксизме, об историческом материализме, имевшем в Ленине самого энергичного из своих сторонников. Нет нужды, и тем менее это показалось бы необходимым Ленину, назвать его ленинизмом. Но какие были отношения Ленина к этой системе? Если он был бы ее ревизионистом, было бы правильно заменить название марксизм и коммунизм ленинизмом и большевизмом. Но Ленин не был ревизионистом и гордо сражался против ревизионистов разных школ и отрицал их право употреблять имя и традиции Маркса, доказывая это резкими доводами. Он защищал свою ортодоксальность доводами, взятыми из живой истории, и подробным и основательным толкованием учителей, анализируя все оттенки и изгибы текстов, содержание которых было подтверждено предшествующей историей» [1].

С первого взгляда это кажется остроумным. Разумеется, Ленин был марксистом: Маркса он не «исправлял» и не «ревизовал». К чему же особый термин—ленинизм.

Желая быть строго объективным в оценке позиции т. Бордиги, я должен тут же сказать, что в другом месте тов. Бордига заявлял, что и по его мнению марксизм и ленинизм равнозначущи. Но когда тов. Бордига начинает перечислять пункты, в которых он с ленинизмом не согласен, то перечень получается настолько длинный, что поневоле спрашиваешь себя: в чем он с ним согласен? Тов. Бордигу прежде всего не удовлетворяет тактическая сторона ленинизма. Между тем, это—сильнейшая и богатейшая сторона ленинизма. Вы знаете уже, что тов. Бордига во многом несогласен с ленинизмом, например, в таких коренных вопросах, каким является вопрос о роли и об организации партии и вопрос о тактике единого фронта. Вот почему т. Бордига не любит употреблять слово ленинизм и считает его излишним.

---

1) „Оппортунистическая опасность и Интернационал“, статья А. Бордиги в „Унита“, 30 сентября 1925 г.

Возьмите определение понятия партии, какое дает т. Бордига. В его определении партия есть просто союз единомышленников,—людей, объединенных общим мировоззрением. Конечно, это — один из признаков партии. Конечно, партия добивается того, чтобы объединить людей, согласных с ее программой, имеющих общее мировоззрение, и т. п. Но тов. Бордига упускает из вида главное—живую диалектику взаимоотношений партии и классов. Он забывает, что партия есть не что иное, как часть рабочего класса, его передовая часть, его авангард, его головной отряд. Он не замечает всей сложности живого взаимодействия между рабочим классом и его авангардом. Он не понимает того, что писал тов. Ленин о взаимоотношениях партии и массы, массы и класса. Он забывает, что зачастую рабочий переходит к нам в партию, не имея того, что можно назвать последовательным «мировоззрением». Он совершенно неспособен представить себе причины и условия, вызывающие приливы и отливы в наших партиях. По его представлению, члены партии, это—«единомышленники» в академическом смысле этого слова.

Присмотритесь, в самом деле, к его рассуждениям о большевизации. Разве тов. Бордига не повторяет здесь ошибок правых? Он говорит: вот уже целый год, как вы производите большевизацию; где же ваши большевистские партии?

Такая постановка вопроса абсолютно неправильна. Она свидетельствует о том, что тов. Бордига попрежнему очень далек от ленинизма. Неужели вы думаете, тов. Бордига, что Коминтерн можно большевизировать в один год? А мы говорим: век живи, век большевизируйся. Мы знаем, что большевизация есть сложный процесс. Даже ВКП никогда не утверждала, что она большевизирована на все 100 процентов. А ведь она существует, как большевистская партия, вот уже четверть века. Неужели кто-либо может надеяться, что в той труднейшей обстановке, в которой приходится жить и развиваться коммунистическим партиям, они могут в течение года большевизироваться на все 100 процентов?

Большевизируются ли наши партии?

Но может ли тов. Бордига отрицать, что все же целый ряд наших партий достиг в этом отношении серьезных успехов. Возьмите хотя бы чехо-словацкую партию. Сравните ее, как она есть теперь, с тем, какою она была 2—3 года назад, разве не продвинулась она по пути большевизации?

Вне всякого сомнения, что сейчас она в гораздо большей мере большевистская партия, чем была раньше. Три года назад там еще были сомнения, можно ли, должно ли создать единую коммунистическую партию без различия национальностей. Теперь никому и в голову не придет сомневаться в этом.

Взгляните на французскую компартию. Она переживает теперь довольно большие затруднения. Над нею любят посмеиваться противники Коминтерна, говоря: нечего сказать, большевистская партия!

Если глумятся враги Коминтерна,—это понятно. Но т. Бордига ведь не враг Коминтерна. Сравните, тов. Бордига, теперешнее положение во французской компартии с тем, что было 2—3 года назад. В ту пору от имени французской партии выступали еще такие личности, как Фроссар, как Эрнест Ляфон и т. п. В сущности говоря, партия находилась тогда еще в руках с.-д. вождей. А что представляет собою французская компартия в данный момент? По существу, это—здоровая рабочая партия, которая еще не выковала себе достаточно однородного и сильного руководства (что придет, однако, в ближайшее время).

Мы прекрасно знаем, что дело не обойдется без кризисов в будущем. Но мыслимо ли было два-три года назад, чтобы французская партия в вопросе о колониальной войне заняла такую твердую, прекрасную большевистскую позицию, какую заняла ФКП в вопросе о марокканской войне? Куда девались мелкобуржуазные пацифистские веяния, которые имели раньше такую силу во французской компартии? Их не осталось и следа. Конечно, никто из нас не станет утверждать теперь, что французская компартия большевизирована на все 100 процентов. Ей ни разу не приходилось выдерживать крупных боев,—на это не следует закрывать глаз. Подлинная проба сил начнется, когда произойдут горячие схватки. ФКП не одержала еще крупных побед и не прошла еще через горнило серьезных поражений. Ей еще не приходилось участвовать в гражданской войне. Французские товарищи прекрасно отдают себе отчет в этом. Но разве это—основание, чтобы член Коминтерна презрительно заявлял: «Что это за большевистская партия во Франции и что это за большевизация, которую мы проводим вот уже целый год?» Хорошо ли это, что тов. Бордига до известной степени перепевает Суварина?

Или возьмем английскую компартию. Разумеется, партия эта еще маленькая, но разве она не большевизируется? Разве можно сравнить нынешнюю английскую компартию с той,

какою она была несколько лет назад? Разве не сделала она колоссального шага вперед? Разве это теперь не здоровая рабочая партия? Разве не научилась она применять ленинские принципы для охвата масс английского рабочего класса—в сложном социальном переплете? Подает ли она какой-нибудь повод для насмешек и шуток действительному коммунисту?

Или возьмем такую партию, как шведская. Разумеется, это не мировая партия. Швеция—сравнительное захолустье. Но разве не сумела наша партия в Швеции отмести Хеглунда, который был вождем партии, имел недурное прошлое и доброе имя? Разве после изгнания правых вождей шведская компартия не сумела завоевать на свою сторону широкие массы,—вспомните хотя бы недавнюю конференцию в Гетеборге? Разве это теперь не здоровая рабочая партия? А ведь не больше, чем полтора года назад, нам твердили: если уйдет Хеглунд, то что же останется от компартии?

Теперь взгляните на историю самой итальянской партии. Разве ею не пройдены самые тяжелые этапы? Разве не приходилось ей изживать предательство и еще раз предательство? Не было ли ее положение перед лицом наступления фашизма отчаянно-трудным? Тяжел был путь итальянской партии. Сначала к Коминтерну перешла вся итальянская социалистическая партия, включая Туратти. Затем произошел первый раскол. Затем поворот Серрати. Затем поражение и захват фабрик и заводов, затем фашистский переворот. И, несмотря на все это, мы имеем теперь в Италии крепкую, организованную, сплоченную партию, которая ведет борьбу против фашизма и постепенно завоевывает рабочую массу. Наша итальянская партия стала массовой партией. Посмотрите, каким влиянием пользуется она во всех рабочих центрах. Она становится сильнее других «рабочих» партий в Италии. Она прошла через все стадии белого террора. И что же, в настоящее время мы можем спокойно сказать: у фашизма нет таких средств, при помощи которых он мог бы задушить нашу партию. Все уже испробовано им—и безрезультатно. Партия срослась с массами. Разумеется, фашизм может убивать еще наших товарищей сотнями, но убить компартию никому уже не удастся.

Наконец, возьмем германскую партию, крупнейшую секцию Коминтерна после ВКП. Разумеется, врагам Коминтерна не возбраняется ухмыляться по поводу кризисов, переживаемых германской компартией. Дважды менялось руководство, были крупные осложнения. Но сопоставьте развитие германской компартии хотя бы с развитием русских боль-

шевиков после 1905 года. Наше поражение 1905 года вполне можно сравнивать с германским поражением в 1923 году. Во главе нашей партии стоял Ленин, и все же в течение целого ряда лет в нашей партии происходила тяжелая борьба. Были тяжкие кризисы, бывали расколы и отколы, и лишь постепенно партия большевизировалась. Неужели вы думаете, что русская партия в один год стала большевистской? После поражения 1905 года прошло несколько тяжелых лет раньше, чем партия воспрянула. Германская компартия не имеет своего Ленина. Лучшие ее вожди были убиты. Ей приходится иметь дело с очень сильной социал-демократией. Ее враг в лице крупной организованной буржуазии, опирающейся на помощь американского капитала, очень силен и искусен. И все же,—неужели в германской компартии нет ничего, кроме ошибок, недугов, кризисов? Разумеется, мы не закрываем глаза на ее ошибки. Положение трудное, но, несмотря на все трудности, наша германская партия может большевизироваться и большевизируется.

Итак, глумиться над большевизацией, распространяться о том, что вот уже миновал целый год, а мы все еще не изжили кризисов, делать такие выводы, как делал тов. Бордига, это—глубокая ошибка.

Разумеется, чрезмерный оптимизм был бы неуместен. Нам не нужны потемкинские деревни. О существующих кризисах и болезнях надо говорить прямо. О том, что дело с внутрипартийной демократией у нас весьма хромает, надо говорить прямо. Так мы и поступаем. Но черный пессимизм, глумление над большевизацией свидетельствуют не в пользу тов. Бордиги.

Внутрипартийный режим.

Тов. Бордига говорил здесь на тему о внутрипартийном режиме. Этот вопрос весьма деликатный. Я еще буду иметь случай коснуться его подробно. Тов. Бордига правильно поступил, поставив этот вопрос. Надо открыто говорить о том, что есть у нас плохого, и что надлежит исправить.

Тов. Бордига говорил здесь о необходимости перевернуть пирамиду. Было бы лучше, если бы тов. Бордига высказался более точно: отрицает ли он вообще необходимость централизованного Интернационала, или считает централизм, существующий у нас, чрезмерным. Думает ли он, что руководство в Коммунистическом Интернационале не должно принадлежать русской партии, или он думает, что это руководство должно принадлежать русской партии, но должно находиться в руках других русских товарищей?

Все эти вопросы можно и должно обсуждать совершенно открыто.

Не стану отрицать, что в деле централизации Коминтерн иногда допускал ошибки. Мы признавали это уже тогда, когда вопрос о централизации был поставлен в связи с дискуссией с Транмелем. «Перецентрализировать», «переадминистрировать»—для международной организации серьезная опасность. Что же, давайте исправлять такие ошибки и «излишества». Может быть, тов. Бордига считает, что русская партия не должна пользоваться таким исключительным влиянием в Коминтерне. Можно и об этом вопросе поговорить открыто. Вы знаете, что последний съезд нашей партии (как ранее неоднократно и сам Исполком Коминтерна) выдвинул вопрос о том, чтобы и другие партии приняли гораздо большее участие в деле коллективного руководства Коминтерном, чем до сих пор.

Но мне совершенно неясно, что же имеет в виду т. Бордига, когда говорит о пирамиде. В былое время мы в своей агитации пользовались «пирамидой», как символом царского самодержавия. Тов. Бордига пускает в ход этот оборот речи в применении к Коммунистическому Интернационалу без соответствующих комментариев.

Внутрипартийной демократии у нас мало. Мы принимаем по этому поводу резолюции и плохо проводим их в жизнь. В нашем внутрипартийном режиме слишком мало места остается для подлинной самодеятельности рядовых членов партии. Это верно. Это необходимо исправить во что бы то ни стало, и это можно исправить теперь. В первые годы деятельности Коминтерна все мы держали курс на близкую непосредственную гражданскую войну, и, исходя из этой перспективы, мы особенно заостряли вопрос о централизме, о военной дисциплине в партии. Но оказалось, что эпоха, нами переживаемая, не есть еще, к сожалению, эпоха непосредственной гражданской войны. Это отнюдь не значит, конечно, что мы можем отказаться от принципов централизма, от железной дисциплины в наших рядах. Без того и другого нет коммунистической партии. Но формы могут и должны быть смягчены. Ни на одну секунду нельзя забывать, что для нас дело идет не просто о централизме, а о *демократическом* централизме.

Мы признаем совершенно открыто, что в целом ряде наших партий мы слишком перегнули палку. Нужно воплотить в жизнь подлинную внутрипартийную демократию. Вот уже 2 года, как мы почти во всех своих принципиальных резолюциях говорим о необходимости нормализации. Что

такое нормализация? Это и есть подлинное проведение в жизнь начал внутрипартийной демократии. Эта нормализация, эта внутрипартийная демократия не проведена и в таких партиях, где их вполне можно и должно провести. Мне кажется, что и тов. Бордига не может отрицать того факта, что в предложенных нами настоящему пленуму тезисах вопрос о внутрипартийной демократии подчеркнут достаточно сильно.

Но тов. Бордига говорит: мы принимаем всегда хорошие тезисы, а практика плоха.

Мы и сами готовы признать, что принять хорошие тезисы легче, чем провести их в жизнь. Мы и сами ни на минуту не скрываем, что по части внутрипартийной демократии в этом отношении дело обстоит особенно плохо. И мы обращаемся ко всем секциям, ко всем рабочим-коммунистам и говорим им: проведение в жизнь решений Коминтерна по вопросам внутрипартийной демократии зависит целиком от вас самих, от всей партийной массы. Не дожидаясь никого, начинайте проводить эту внутрипартийную демократию в жизнь, организованно, планомерно настаивайте на том, чтобы эти решения не остались на бумаге.

Разумеется, в таких странах, как Италия, как Польша, положение в данный момент настолько тяжело, белый террор настолько свирепствует, что здесь проведение внутрипартийной демократии наталкивается на громадные объективные трудности. Но там, где партии развиваются в сравнительно легальной обстановке, возможность нормализации, возможность проведения внутрипартийной демократии налицо.

Если бы тов. Бордига серьезно, настойчиво, спокойно, а не как зритель со стороны, настаивал на подлинном проведении начал внутрипартийной демократии в жизнь, на подлинной коллегиальности руководства Коминтерном, он был бы совершенно прав. Но когда он глумится над большевизацией, когда он посмеивается над термином «ленинизм», когда он отрицает производственную ячейку, как первичную ячейку партии, когда он бросает загадочные фразы о пирамиде, то это уже очень плохо. Он выступает не как солдат Коммунистического Интернационала, а как сторонний наблюдатель, притом не слишком благорасположенный.

Москва или Амстердам.

Отсутствие диалектики в постановке вопросов тов. Бордигой видно на каждом шагу. Возьмите, например, следующий вопрос. Тов. Бордига заявляет, что он отрицает

всю нашу профессиональную тактику (т.-е. тактику борьбы за международное проф'единство), так как он держится старого лозунга: Москва или Амстердам. Вот образец недиалектической постановки вопроса. Разве, в самом деле, мы отказались от лозунга: Москва или Амстердам? Лозунг этот целиком остается в силе. Вокруг него и ведется борьба и будет вестись еще в течение целого исторического периода. Но форма борьбы видоизменилась. Вот чего не понимает тов. Бордига. Тов. Бордига, повидимому, представляет себе дело так, будто мы готовы сдать знамя Москвы и итти в общий профессиональный Интернационал для того, чтобы отказаться от своих коммунистических взглядов. Тов. Бордига не понимает того, что если бы завтра был созван общий конгресс двух профессиональных Интернационалов, то борьба под лозунгом: Москва или Амстердам, т.-е. коммунизм или ревизионизм,—только еще по-настоящему началась бы.

Альтернатива: Амстердам или Москва, это есть альтернатива: реформизм или коммунизм. Неужели тов. Бордига в самом деле считает, что вести переговоры с амстердамцами о возможном слиянии двух Интернационалов, это значит предавать свое знамя? Успокойтесь, тов. Бордига, знамени «Москва», знамени коммунизма мы из своих рук не выпустим. Но это не значит, что мы будем стоять, как вкопанные, на месте и только твердить: Москва или Амстердам.

В качестве авангарда пролетариата мы стараемся различными способами найти доступ к массам. Мы стараемся воздействовать на те слои рабочего класса, которые еще идут за реформистами. А исторический спор—Москва или Амстердам—продолжается и будет продолжаться вплоть до полной победы Москвы.

Тов. Бордиге, как и каждому, предоставлено здесь право открыто защищать свои мнения, как бы резки они ни были. Но и нам не возбраняется ответить вам. Учитесь на истории коммунистического движения, тов. Бордига, учитесь понимать, что можно сделать в один год и чего нельзя. Штудируйте историю русской большевистской партии, и вы поймете тогда, что стать большевистской и ей удалось только в результате длительной, упорной внутрипартийной борьбы и работы над самой собой. Давайте, тов. Бордига, не только поучать Коммунистический Интернационал, но и учиться у него.

III. О германской ультра-левой.

Положение в германской компартии.

Прежде всего необходимо уяснить себе, что мы стоим теперь у начала постепенной подготовки к четвертому массовому выступлению рабочего класса Германии против буржуазного строя.

Первая вооруженная схватка происходила в 1919 г. (восстание Спартака). Вторая—в марте 1921 г. В третий раз вооруженное выступление рабочих и революционная ситуация вообще стучались в ворота Германии в 1923 году. Теперь начинается, пока медленное, накопление сил для предстоящего в ближайшую эпоху четвертого выступления германских рабочих, в ходе которого, будем надеяться, германская компартия выступит подлинной руководительницей большинства германского рабочего класса.

В каждом из прежних трех массовых выступлений германского рабочего класса вопрос о взаимоотношении между партией и массами был самым решающим вопросом.

В 1919 г. стихийный подъем был очень велик. Большие массы рабочих рвались в бой. Но партия представляла собою лишь небольшой хотя и героический авангард. Союз Спартака не совладал с той великой исторической задачей, которую он взял на себя. Изменническая роль социал-демократии помешала сплотить большинство рабочих. В 1921 г. партия была уже более массовой, была уже лучше подготовлена, но большинство рабочего класса в решающий бой не верило и в восстании участия не принимало. В 1923 г. ситуация была во многих отношениях объективно революционной. Партия же, к тому времени впитавшая в себя много социал-демократических элементов, еще не успела их переработать. Крупнейшие ошибки, совершонные тогдашним руководством партии, помешали использовать благоприятную ситуацию. Еще и еще раз вопрос о взаимоотношениях партии и массы встал с громадной остротой.

Мы не знаем, и никто не знает, когда именно произойдет четвертое массовое вооруженное выступление германского рабочего класса—на год раньше или на год позже. Но несомненно одно: перелом, совершившийся в германском рабочем движении, есть начало (подчеркиваем: именно только начало) подготовки такого выступления. Весь вопрос в том, в каком виде будущие события застанут нашу партию,

Иными будут и массы и наша партия, чем они были в прежних выступлениях. Объективно ситуация складывается для германской компартии с каждым месяцем более и более благоприятно. Она станет исключительно благоприятной для нашей партии, если она сумеет должным образом применить тактику единого фронта.

Вот полученный сегодня номер «Бергверксцейтунг»—газеты германского промышленного и торгового капитала. В ней я читаю:

«Главная опасность радикализации нашего государства следующая. В то время, как происходит описанный распад профсоюзов и делаются робкие попытки вступить на новый путь, в усталые от борьбы профсоюзы вгоняется клин. Вот уже несколько месяцев, как коммунисты, получившие самые точные инструкции из Москвы и снабженные значительными фондами, выставляют своим лозунгом: обратно в профсоюзы.

Расплывчатому ходу мыслей вождей профсоюзов противопоставляется торжествующая реальная политика компартии: «Чем меньше способны социал-демократы скрывать свою буржуазную сущность, тем больше должна компартия итти по пути, указанному Карлом Марксом и Лениным... Москва работает хорошо». («Дейтше Бергверксцейтунг» от 25 января 1926 г.)

Что Москва работает слишком уж хорошо, я в этом сомневаюсь. По-моему, ни мы здесь, ни наша партия в Германии далеко еще не работаем хорошо. Но германская буржуазия верным классовым инстинктом уже учуяла, что германская компартия находится на правильном пути и успешно устанавливает контакт между авангардом и массами.

Антиленинская линия ультра-левых.

К чему сводится главным образом урок, который должен быть вынесен нашей германской партией из истории последнего трехлетия, из всей внутренней борьбы, которая пережита ею? Не мешает несколько подробнее вникнуть в историю так называемой левой в Германии. Я должен сказать, что, по-моему, попытка так называемой германской левой (Маслов—Рут Фишер и др.) противопоставить свою линию линии Коминтерна были (если не считать т. Бордигу) почти что единственной попыткой выступить с линией, радикально отличающейся от коминтерновской. Столкновение между Коминтерном и так называемой германской левой—это была своего рода борьба между ленинизмом и «новой», расплыв-

чатой, не вполне четко выкристаллизовавшейся, но все же совершенно иной линией. Суть дела не в отдельных ошибках левых. Наибольшее значение имел тот факт, что вожди германских левых хотя не высказывали это открыто, но считали ленинистское руководство Коминтерном неправильным, считали, что «русское» руководство, сложившееся в отсталой крестьянской стране, не сможет указать должной дороги западно-европейскому рабочему движению. Суть дела в том, что вожди левых пытались найти какой-то иной, усовершенствованный «западно-европейский» ленинизм.

Разумеется, каждому, кто считает, что линия Коминтерна неправильна, предоставлено право говорить об этом открыто на наших конгрессах и предлагать другую линию. Весь вопрос только в том, на стороне какой линии оказалась действительная правда.

Детали германского кризиса мы будем рассматривать в особой комиссии. Здесь же достаточно затронуть только самое главное. В чем состояла эта другая линия вождей германской левой? Во-первых, они считали, что мы неправы в профсоюзном вопросе и что наши директивы в этой области для Западной Европы непригодны. Во-вторых, они выступали против взглядов Коминтерна на крестьянский вопрос. В-третьих, они считали не вполне правильными взгляды Коминтерна на национальный вопрос. В-четвертых,—тактика единого фронта. Как видите, дело идет о самых коренных проблемах нашего движения.

Своевременные предостережения.

Я должен здесь открыто заявить, что германские левые завоевали германскую компартию вопреки Исполкому. Это единственный известный мне случай в истории нашего Интернационала. Обстоятельство это свидетельствует о том, что германская левая в свое время была достаточно сильна. Германские левые завоевали партию, по крайней мере вначале, наперекор воле Коминтерна. Исполкому пришлось с этим фактом мириться и маневрировать, выжидая, пока внутри левой выкристаллизуется более близкое к нам ядро. Другого выхода тогда не было. Вопрос стоял так и только так: или Брандлер, или левые. Все более или менее здоровые пролетарские элементы пошли за левыми, ибо правое руководство обанкротилось неслыханным образом. Попытка наша поддержать «среднюю» группу, увы, не увенчалась успехом. Средняя группа быстро сошла со сцены.

Посмотрите же, как складывались тогда взаимоотношения между Исполкомом и левой. Я позволю себе процитировать здесь некоторые документы, так как вопрос этот имеет огромное значение не только для Германии, но и для Интернационала в целом.

Когда левой удалось уже завоевать на свою сторону партию,—это было накануне франкфуртского съезда,—я писал 1 апреля 1924 г. тов. Маслову:

«Я очень опасаюсь:

1) Ошибок в профсоюзном вопросе. Я повторяю в тысячу первый раз: это означает гибель партии.

2) Ошибки, заключающейся в простом отклонении тактики единого фронта (чем особенно охотно занимается Рут Фишер). Тактика единого фронта придумана не Радеком,— Радек ее только исказил и опошлил. Эта тактика преподана и установлена Лениным. И она правильна. Если вы отклоняете ее, вы вызываете нас на борьбу с вами (чего мы не хотим).

Вообще вам не следует вдаваться в преувеличения. В борьбе это неизбежно, но не до степени утраты сознательного отношения к делу. Не нервничайте.

Мы сделали все, что могли. Мы послали трех влиятельных членов ЦК. Мы сами готовы сделать все возможное, чтобы итти с вами. Но резолюция против единого фронта, которую вы проводите (Берлин), должна быть понята как борьба против Коммунистического Интернационала».

Мы послали тогда в Германию трех товарищей из состава русского ЦК для переговоров с «левым» руководством. Вначале переговоры шли крайне туго. Нашей делегации было поставлено ультимативное требование взять назад письмо Исполкома Коминтерна, резко критиковавшее ошибки левых. Особенно резкую форму приняли разногласия в вопросе о едином фронте и в вопросе о профсоюзах. В своем письме от 31 марта 1924 г. к двум влиятельнейшим рабочим—членам германской левой, а именно к т. т. Тельману и Шлехту (в ту пору Шлехт тоже пользовался большим влиянием в левой), мы писали:

«Дорогие друзья! Нечего обманывать себя. Если взять все вышеуказанное, то это и получается КРПГ. Для этого ли мы провели борьбу с КРПГ, чтобы теперь встать на ее точку зрения? Если сделать какие-либо уступки этим пяти ошибкам, это и значит перестать быть большевиком.

Не давайте себя убаюкивать успокоительными фразами, что ультра-«левое» направление, дескать, очень слабо, что

это несерьезное движение, что с ним можно покончить при помощи товарищеского внушения иксу или игреку, сделанного в четырех стенах. Это не так. Положение рабочей партии в Германии в нынешний переходный период между двумя революциями таково, что оно неизбежно будет возрождать это «левое ликвидаторство», как сказал бы покойный Ленин. Чтобы побороть его, надо иметь смелость подавить его в корне, надо решительно и бесповоротно выступить против него сейчас же публично.

Пусть не говорят нам, что, например, в вопросе о профсоюзах мы стоим перед каким-то непреодолимым движением самих масс. Это обычные сказки. Когда вожди—путаники, они непременно свою путаницу сваливают на широкие плечи «масс». К тому же мы не можем ставить дела так: «так хотят массы», стало быть, дело решено. Нет, мы должны суметь выступить и против предрассудков масс, если эти предрассудки налицо».

Рабочие, входившие в состав германского ЦК, в ту пору разделяли многие ошибки Маслова и Рут Фишер, но основной их ошибки они не повторили: они не вели борьбу против Коминтерна. Когда делегации Коминтерна был послан ультиматум, тов. Тельман решительно поддержал коминтерновскую делегацию, и ему удалось этот ультиматум сорвать. В этом одна из больших заслуг тов. Тельмана.

Некоторые левые тогда были настроены по адресу правых настолько враждебно, что достаточно было правым сказать «да», как они говорили «нет», и наоборот. В той обстановке такое настроение было понятно.

Я позволю себе еще процитировать выдержки из письма, освещавшего положение в КПГ и написанного мною накануне франкфуртского съезда (26 марта 1924 г.):

«Мы всегда различали в левом крыле германской коммунистической партии две струи. Одна представлена прекрасными, революционно настроенными и глубоко преданными делу **рабочими**, поднявшимися прямо из масс и являющимися лучшей надеждой германского коммунизма. Другая струя представлена группой вождей из интеллигенции, среди которых есть люди в высшей степени способные, от некоторых уклонов уже освободившиеся и могущие оказать величайшие услуги германскому рабочему движению. Но есть среди них и элементы крайне незрелые, без марксистского воспитания, без серьезных революционных традиций, с уклоном в пустую революционную фразеологию, могущие принести величайший вред германскому коммунистическому движению».

Напоминаю, это мы говорили еще до франкфуртского съезда, однако в тот момент, когда левые уже возглавляли партию. Мы учитывали возможность двух перспектив. Мы писали в том же письме:

«В связи с победой левой в Германии возможны две перспективы.

Первая. Германская компартия действительно преодолевает оппортунистические уклоны и выходит на широкую революционную дорогу. Германская левая не повторяет тех ошибок, которые делал Брандлер и которые привели его группу к краху, т.-е. она не игнорирует всех инакомыслящих, не угрожает исключениями из партии, а старается использовать всякую революционную силу на должном месте, независимо от того, к какой группе эта сила принадлежала раньше. Фракционная борьба заканчивается. Болезни «левизны» излечиваются. Революционной фразе, левому «визгу», левому «ребячеству» объявляется решительная война. Ни одного шага, который может превратить партию из массовой партии в секту. Дружное, действительное сотрудничество с РКП и со всем Коминтерном. Заканчивается целый период междоусобной борьбы, и открывается новая глава. Партия под новым руководством мобилизует все силы для борьбы с буржуазией и социал-демократией. Внутри Коминтерна германская компартия поддерживает основную линию ленинизма против правых уклонов и левого ребячества, как нас учил тов. Ленин. Никакой фракционной дипломатии. Настоящая, серьезная пролетарская дисциплина по отношению к Коминтерну.

Вторая перспектива. Левые вожди смотрят на победу левой только под углом зрения фракционной стратегии. Левые объявляют поход против товарищей из центральной группы. Победа кружит голову левым вождям. Левые впадают в ту ошибку, против которой всегда особенно предостерегал тов. Ленин: ошибки зазнаться в момент успеха. Такое фракционное поведение левой неизбежно приводит к оживлению правой. Фракционная борьба продолжается. В германской компартии под руководством левых получают права гражданства такие нелепые заявления, как приведенные выше заявления т. т. Шолема, Розенберга, «Красного Курьера» и т. д. Левые выступают с платформой против тактики единого фронта вообще и объявляют «реформизмом» и «ликвидаторством» то, что на самом деле является тактикой тов. Ленина и всего Коминтерна. Вместе с водой выплескивают и ребенка. Такая постановка вопроса на деле помогает только действительно реформистским тенденциям,

какие проявились в Германии и в кое-каких других секциях Коминтерна. В результате—неизбежная дискредитация левого большинства в Германии, развал германской компартии и Коминтерна.

Таковы эти две перспективы. Их надо додумать до конца. Левые товарищи должны видеть ясно обе эти перспективы. Нечего и говорить о том, что мы всей душой стоим за первую перспективу».

Об основных ошибках Рут Фишер—Маслова.

Другое обстоятельное письмо написано было нами специально по профсоюзному вопросу, ибо этот вопрос имел самое важное значение. Накануне самого открытия франкфуртского съезда вожди левой (Маслов и др.) стали носиться с планом импровизации «новой» массовой рабочей организации взамен профсоюзов. Им казалось, что съимпровизировать такую «новую» массовую организацию дело совсем нетрудное. Неправильной была в ту пору позиция не только многих левых, но и многих центровиков и правых, которые также поддались антипрофсоюзным настроениям и не прочь были поддержать лозунг ухода из профсоюзов. Например, тов. Штеккер от имени группы центра приезжал в Москву и буквально заклинал нас ни единым словом не выступать против антипрофсоюзного течения. Они рассуждали так: настроение в массах—за уход из профсоюзов, а нам нужно быть с массами, поэтому не следует итти против течения. Не пригрози мы прямым разрывом, мы не провели бы на франкфуртском съезде резолюцию, все же, как-никак, выступившую против антипрофсоюзного течения. Таким образом было доказано, что как раз в основном вопросе западно-европейского рабочего движения правы были мы и абсолютно неправы были те, кто пытался выдумывать «западно-европейский» ленинизм.

А что было дальше? Резолюция за участие в профсоюзах была принята, но практика левого ЦК осталась антипрофсоюзной. ЦК в лице Маслова, Рут Фишер, Шолема и Розенберга остался при прежнем мнении и лишь, скрепя сердце, пошел на словесную уступку Интернационалу. Эта коренная ошибка более всего обусловила последующее банкротство «левых» вождей.

Тов. Рут Фишер сказала здесь, что она видит свою ошибку в том, что на франкфуртском съезде она и ее друзья не подвели итогов ультра-левым уклонам, не дали им достаточного отпора. Тов. Фишер, вы не могли этого сделать

в эпоху Франкфурта, потому что трудно человеку вести борьбу против самого себя. Ведь именно вы выступали против тактики единого фронта. Именно вы заодно с Масловым совершили самую грубую ошибку в профсоюзном вопросе. Ошибки случается совершать каждому из нас, но ваша ошибка свидетельствовала об органическом недостатке вашего направления. Не изжив его, вы не могли вести правильно дело, вы должны были нагромождать ошибку на ошибке. Вот почему совершенно неверно рисовать дело так, будто в Германии было, с одной стороны, ультра-левое крыло, а с другой —группа Рут Фишер—Маслов. В сущности в решающие моменты это была одна и та же группа. Некоторые левые рабочие уже тогда стали понимать органические дефекты ультра-левых. Но брандлеровские ошибки были еще слишком живы в памяти, еще только миновала полоса поражения, горечь и раздражение были еще слишком велики. Вот почему стала возможной цепь ошибок, совершенных на франкфуртском съезде. Если Фишер, Маслов и их сторонники хотят быть честными с самими собою, они должны сознаться, что они совершили не одну-две эпизодических ошибки или промаха, нет, политика их в основном была сплошной политической ошибкой. Они пытались выработать какую-то новую линию для Коммунистического Интернационала. Они на этом осеклись. Они пытались сказать «новое слово» в вопросе о тактике единого фронта и в вопросе о профсоюзах и были в этом глубоко неправы. В чем же вы были правы? Вы не ошиблись лишь в одном: в том, что протестовали против правых, в том, что сумели стать выразителями недовольства политикой Брандлера. Однако в политике нельзя жить одним использованием ошибок фракционного противника. Нужна положительная программа. Конечно, весьма похвально, что вы вели борьбу против социал-демократических уклонов. Но сами вы правильной дороги партии указать не смогли.

Могут задать вопрос: почему же в таком случае Коминтерн допустил образование такого ЦК? Такая постановка вопроса будет слишком упрощенной. В ту пору, при тогдашней обстановке иного выхода не было. Налицо была прямая угроза раскола, возникновения двух, а может быть, и трех партий и, стало быть, краха нашей партии в Германии на несколько лет. Ошибками брандлеровского ЦК партия была доведена почти до отчаяния. Рабочие-коммунисты Берлина, Гамбурга, Рурской области потеряли всякую веру в старый брандлеровский ЦК. А новый ЦК они не мыслили иначе, как во главе с группой Маслов—Рут Фишер. Других людей

не было. Эта группа и получила в свои руки руководство, несмотря на то, что Исполком не был в восторге от этой комбинации. Исполкому пришлось итти этим путем, ибо иного выхода не было.

Открытое письмо (август 1925 г.),—говорит левый тов. Энгель, — свалилось на нас «внезапно». Ничего подобного, тов. Энгель. Почва для такого письма подготовлялась исподволь. Исполком шаг за шагом следил за процессом постепенного расслоения левой. Мы не могли заранее предугадать, когда именно наступит момент, когда создастся ядро для нового руководства партией. Но Исполкому была совершенно ясна необходимость выжидать, пока выкристаллизуются новые элементы. Подобная кристаллизация есть процесс длительный. В августе 1925 г. мы сочли возможным прибегнуть к такой резкой мере, как открытое письмо.

Уроки германского кризиса.

Таковы уроки недавнего прошлого германской компартии. Я не стану касаться отдельных личностей. Биографические моменты можно обсудить в более тесном кругу. Главная суть в том уроке, который должен извлечь весь Коммунистический Интернационал: попытка «левого» направления создать какую-то иную, отличную от коминтерновской линию, выработать «западно-европейский» ленинизм закончилась полным банкротством.

Товарищи, история доказала уже в достаточной мере, что ленинизм есть учение международное, что опыт трех русских революций может и должен войти неизбежной составной частью при выработке линии для любой коммунистической партии. Величайшим, неоценимым сокровищем Коминтерна является опыт трех русских революций и опыт других главнейших секций его. Тов. Бордига был глубоко неправ, обвиняя нас в том, что мы под большевизацией понимаем механическое перенесение опыта русской революции на другие страны. Нет. Уже в «Детской болезни левизны» вы найдете не одну страницу, посвященную вопросу о том, что механическое перенесение русского опыта на другие страны без учета конкретной обстановки абсолютно недопустимо. В наших тезисах о большевизации, принятых на прошлой сессии расширенного ИККИ, мы говорили об этом же с достаточной полнотой. Большевизация есть использование опыта большевистской партии в трех русских революциях и опыта всех других важнейших секций Коминтерна с учетом особенностей каждой страны, с учетом всех круп-

ных обстоятельств времени и места. Большевизация ни в коем случае не есть простое некритическое повторение «русского» опыта.

Ошибки германских левых составляли целый этап в истории германского коммунистического движения. Эти ошибки привели к политическому крушению определенной группы. Этот урок говорит о том, что всякий пытающийся «исправить» ленинизм неизбежно терпит политическое крушение.

Теперь мы имеем в Германии целых три ультра-левых группы. Время покажет, какая из них действительно сможет быть ассимилирована партией. По-моему, необходимо выждать, как поведут себя т. т. Шолем и Розенберг на деле, помогут ли они партии во главе с нынешним ЦК действительно проводить ту линию, которую мы здесь наметим, без уклонов влево и вправо.

Мы не раз указывали, что интеллигентская группа ультра-левых есть группа мелкобуржуазных революционеров. Мы признаем, что с известной грубоватостью характеризовали их, как взбесившихся мелких буржуа. Товарищи на это обижались. Т. т. Шолем и Розенберг вопрошали: неужто мы в самом деле взбесившиеся мелкие буржуа? Но, товарищи, подумайте, что означает история с Кацем, которого партия должна была исключить из партии. Петарда разорвалась и отравила воздух. Чем объясняется затхлый дух, который остался после инцидента с Кацем? Да именно тем, что это была группа мелкобуржуазная. Я не намерен никого из этих товарищей опорочивать в личном смысле. Но в политическом отношении они представляют собою группу мелкобуржуазных революционеров. Вот почему история с Кацем так пахнет мещанством. Неужели можно было всерьез принимать Каца за какого-то левого революционера? Да с ним достаточно было поговорить 10 минут, чтобы понять, что это взбесившийся мелкий буржуа. Тов. Энгель, я обращаюсь к вам и говорю вам прямо, что каждый рабочий, который колеблется в сторону Каца (или Корша), будет потерян для пролетарской революции. Вы должны хорошенько понять, что «партия», которую попытаются образовать люди типа Каца, будет уже не КРПГ (коммунистическая рабочая партия Германии), а карикатура на нее.

Коммунистическую рабочую партию Германии мы в 1920 году при Ленине с чистой совестью принимали в Коминтерн в качестве сочувствующей партии. Почему? Потому что мы знали, что в КРПГ есть честные пролетарские элементы, преданные делу революции, и что их можно завоевать для Коминтерна. А нынешняя группа Каца! Неужели

кто-либо может себе представить, что мы примем ее в качестве сочувствующей в Коминтерн? Конечно, нет. Каждый рабочий, который колеблется между Коминтерном и Кацем, может оказаться потерянным для пролетарской революции.

Против ультра-левых и правых ошибок.

Все, что идет «влево» или вправо от ленинизма, есть банкротство и распад. Всякие попытки «исправлять» ленинизм, всякие попытки выдумывать иную, «европейскую» линию, в отличие от ленинизма, ведут к краху. В настоящий момент в Германии особенно необходима борьба против ультра-левых ошибок. Но это ни в коем случае не значит, что мы сделаем в Германии какие-либо уступки правым. Нынешний германский ЦК это понимает и еще лучше поймет после всего того, что говорится здесь. В германской комиссии тов. Эрнст Мейер говорил: почему, собственно, нам быть против нынешнего германского ЦК, если он проводит нашу политику? Иначе говоря, если гора не подошла к Магомету, то Магомет подошел к горе. Так считает тов. Эрнст Мейер. Одного этого выступления достаточно, чтобы германская компартия насторожилась. Германская компартия не хочет ни ультра-левых, ни правых ошибок: ни линии Корша, ни линии Брандлера. К слову сказать, и в польской партии вопрос не стоит так: или Домбский, или Валецкий, т.-е. или ультра-левые, или правые. Вопрос стоит так: ни Домбский, ни Валецкий. Ни один из них не может участвовать в руководстве партией, но оба они могут и должны быть привлечены к сотрудничеству в партии. То же самое должно относиться к германской партии. Неправильно говорить: или ультра-левая группа, или правая. Нет, надо создать новое руководство. И оно создается, его надо усилить, его надо поддержать.

Мне кажется, что состав германской компартии можно определить следующим образом: в ней 80—85 проц. левых рабочих, левых в хорошем смысле этого слова, в том смысле, что при малейшей оппортунистической ошибке, при возникновении правой опасности они целиком поддержат свой ЦК, который будет бороться против правых; от 3 до 5 проц.— правые рабочие, более или менее склонные поддерживать политику Брандлера, и 10 проц.—ультра-левые рабочие всех оттенков. Конечно, я могу ошибиться в процентах и не претендую тут на точность, но в общем, мне кажется, что это так. К этому надо прибавить и следующее: что касается верхушечных слоев партии, «ответственных» работников,

деятелей муниципалитетов, парламентов и т. д., то там соотношение не такое,—там правых гораздо больше.

Таким образом, вопрос о германских ультра-левых и правых не есть вопрос персональный. События, пережитые германской компартией за последние 2—3 года, являются одной из важнейших глав в истории Интернационала. На германских уроках мы должны учиться и должны понять, что всякий, уклоняющийся в сторону от ленинизма вправо или влево, ведет партию к банкротству.

Я не сомневаюсь, что нынешний ЦК при поддержке Исполкома Коминтерна сумеет использовать все наличные здоровые силы партии. Я вовсе не стою за пожизненную ссылку тех, кто сделал те или иные крупные ошибки в германском вопросе. Зачем это нужно? У нас не так много работников, чтобы ими швыряться. На предпоследней сессии Исполкома Коминтерна мы решили отстранить от коммунистической работы некоторых товарищей. Но Ленин был прав: ошибки надо осознавать и исправлять; людям же, их совершившим, поскольку эти люди искренно преданы партии—это единственное условие,—этим людям надо давать возможность работать для партии и дальше. Я полагаю, что это правило мы будем распространять и на тех, кто совершил правые ошибки, и на тех, кто совершил ультра-левые ошибки,—при условии, конечно, что ошибки будут искренно признаны, и что соответствующие товарищи будут внушать полное доверие.

Все остальное о германском вопросе сказано уже в германской комиссии.

IV. Положение во французской и других компартиях.

О возможности возникновения „суваринской" партии.

Перейдем теперь к французскому вопросу. Работа французской комиссии показала, что кризис во французской партии острее, чем мы думали. В партии создалось довольно сложное положение. Объективные условия во Франции для коммунистов благоприятны. И хуже всего то, что многие французские товарищи недооценивают серьезности социально-политического положения во Франции, не сознают отчетливо, что страна идет навстречу революционному кризису.

За эти дни кабинет Бриана успел пасть. «Последние события во французском парламенте показали, что парламент превратился в цирк»,—так писала на днях одна крупная фран-

цузская буржуазная газета. Даже сам парламент совершенно потерял ощущение парламентаризма. Так говорят буржуазные газеты. Некоторые из них призывают к созданию правительства с диктаторскими полномочиями без парламента.

Фашистская опасность во Франции назревает, но ее нельзя преувеличивать. Нельзя каждый день, как это делают иные французские товарищи, кричать: фашизм идет! Это выходит, как в датской сказке, один из героев которой запугивал окружающих ложной вестью о нападении волка, и в тот момент, когда волк действительно пришел, никто уже этому не верил.

В чем выражается кризис во французской компартии? Правые ведут форменное наступление со всех сторон, осыпая нас дождем деклараций. Уже во время пленума появились четыре новых суваринских декларации. Каждая из них носит совершенно недопустимый характер, одна скандальнее другой. Выступление т. Англера (французский правый) в комиссии нас разочаровало. Он кончил тем, что подал во французской комиссии еще одну большую декларацию абсолютно вызывающего характера по отношению к Коминтерну и собственной партии. Не знаю, должен ли я цитировать эти декларации. Они все розданы товарищам. И было бы, быть может, слишком много чести для Суварина, если бы мы уделили столь много внимания его литературному творчеству. Суваринцы наступают со всех сторон. Тон, который у Суварина господствовал в журнале, перенесен теперь в коллективные декларации. В журнале он договаривался уже до того, что пытался грязнить мавзолей Ленина и бросать тень на память таких борцов, как тов. Фрунзе.

Я уже напомнил товарищам во французской комиссии о том, что Ленин когда-то называл партию, которую создавал Мартов, столыпинской «рабочей» партией—за ее ликвидаторские уклоны. (Столыпин был один из реакционнейших царских министров.) Мартов был фигурой покрупней Суварина. Теперь приходится сказать прямо, что во Франции есть опасность образования новой партии—суваринской якобы рабочей партии, которая может объединить не больше нескольких сот человек, но с помощью социал-патриотов и даже прямо буржуазии, конечно, может причинить порядочный вред нашей партии. Эта тенденция к образованию новой правой суваринской партии во Франции выпирает из всех деклараций Суварина. Эти декларации подписаны несколькими десятками рабочих. Подписи эти, повидимому, должны прикрыть провокационное выступление Суварина против Коминтерна.

В речи тов. Семара и особенно тов. Торреса приводились подробные цитаты из писаний Суварина. По-моему, если взять все те гнусности, которые написал против Коминтерна Леви, прибавить к этому то, что писали против коммунистов Фроссар, Хеглунд, Бубник и К^0, то мы получим приблизительно то, что пишет теперь Суварин. Не надо себя обманывать. Речь идет о группе, твердо решившей итти на все в борьбе против французской компартии. То, что не удалось Фроссару, может быть, теперь удастся Суварину. Быть может, ему удастся создать свою новую маленькую «партию», которая с помощью врагов будет бороться против нас, пока не лопнет, как мыльный пузырь. Коминтерн должен во что бы то ни стало помочь французскому ЦК вскрыть этот нарыв. Если мы хотим уберечь нашу французскую партию от «сувариновщины», мы должны одолеть эту группу. Честных рабочих, которые попали в эту группу по недоразумению и которых мы сможем привлечь на свою сторону, мы, разумеется, примем как братьев. Мы должны суметь доказать этим рабочим, что по таким вопросам, как вопрос о марокканской войне, о тактике единого фронта, об организации партии (ячейки), об оценке общего положения во Франции суваринская группа стоит на реформистской точке зрения. Этой группе необходимо нанести решительный удар. Другого средства нет. К этому надо прибавить, что Монатт и Россмер, эксплоатируя старые синдикалистские предрассудки, пытаются повернуть назад французское рабочее движение, развивая ветхозаветные принципы пресловутой Амьенской партии, которая настаивала на том, что профсоюзы не должны быть связаны ни с какой партией. Эта «работа» Монатта и Россмера может причинить партии еще больше вреда, нежели работа Суварина. Против этой антипартийной группы также необходима самая решительная борьба.

Французская партия и профсоюзы.

Все это было бы легко сделать, товарищи, если бы наша французская партия не обнаружила порядочной слабости. Работа комиссии показала, что и внутри нашего руководящего ядра существует некоторый разброд, который должен быть безусловно ликвидирован. Прежде всего необходимо создать полную ясность в вопросе о взаимоотношениях партии с профсоюзами. Я высказался об этом более подробно во французской комиссии. Сошлюсь здесь только на следующее. На недавнем заседании французского ЦК, после доклада т. Креме о профсоюзах, один из товарищей (кажется, т. Бер-

лиоз) сообщил, что «некоторые коммунисты на заседаниях комитета унитарной конфедерации говорили: «Мы уже достаточно провозились с вопросом о единстве профсоюзов, мы достаточно повозились с реформистами, теперь пора укрепить свою собственную организацию». Это очень опасная постановка вопроса. Если в нашей среде действительно будут такие настроения, то мы тактику единого фронта во Франции провести не сможем.

Далее, этот же товарищ говорит: «Бесспорно, рабочие массы уходят из-под нашего влияния (имеется в виду влияние наших профсоюзов), а неорганизованные массы следуют за нами не в большем количестве, чем за реформистами». Над этим заявлением также необходимо задуматься. Не будем скрывать от себя слабых сторон нашей работы во Франции. Не забудем, что некоторые наши союзы действительно потеряли известное число своих членов. Не забудем, что и партия наша растет далеко не так, как это должно было бы быть при столь благоприятной ситуации. В массы, еще раз в массы и еще и еще раз в массы—вот что более всего должна помнить наша французская партия. Она не должна забывать, что Франция имеет теперь десятимиллионный пролетариат, что процент организованных в конфедерации составляет, вероятно, меньше 10.

Профсоюзный вопрос для нас — решающий вопрос. И именно в этом вопросе французской партией не изжиты еще некоторые ошибки. Болезнь, именуемая синдикализмом, еще дает себя чувствовать в наших рядах. И в то же время внутри партии в вопросе об отношении к профсоюзам также есть ошибки: слишком афишируется руководящая роль партии в профсоюзах, слишком мало делается изнутри повседневной творческой работы в профсоюзах.

Другой болезненный симптом заключается в том, что в ЦК французской партии не было до сих пор полного единодушия. Это сказалось и в комиссии. Наша задача сводится к тому, чтобы дать партии ясный политический маршрут и точную отчетливую установку в профсоюзном вопросе. Французскую компартию ждут большие успехи в ближайшее время. Но она добьется их лишь при условии, если сумеет создать абсолютно крепкое, единое руководство.

Правые в Чехо-Словакии.

Переходим к другим правым группам, которые, однако, имеют еще некоторое значение. Остановимся на Чехо-Словакии. В нашей чехо-словацкой партии положение создалось,

как мы знаем, относительно хорошее. На чешскую и итальянскую компартии можно указать, как на образец, заслуживающий подражания. Первая сумела показать пример правильного изживания правой опасности, а итальянская компартия показала пример правильного изживания ультра-левых уклонов.

Уже во время заседания нынешнего нашего расширенного пленума мы получили документ, свидетельствующий о том, что правая опасность в чехо-словацкой партии еще не совсем изжита. Восемь товарищей, во главе с тов. Гуля, прислали заявление, которое было роздано здесь и которое представляет собою попытку воскресить правое крыло. Вы, вероятно, знаете и ответ комиссии на это заявление, принятый единогласно. Наличие под этим заявлением таких подписей, как Ванек, доказывает, что эта группа с очень плохим душком. Я мог бы процитировать вам статью Ванека, написанную после чехо-словацкого партийного съезда и доказывающую, что он иногда говорит языком почти Суварина. Я надеюсь, что блок левой и центра, вполне оправдавший себя в чехо-словацкой партии, легко преодолеет попытки этой правой группы. Правая опасность в Чехо-Словакии еще тлеет. Эти уголки надо потушить,—конечно, прежде всего идейной борьбой. Необходимо, чтобы каждый в чехо-словацкой партии понял, что с линией нынешнего чехо-словацкого ЦК, вполне поддерживаемой Коммунистическим Интернационалом, шутить нельзя, что гнилым правым уклонам пощады не будет.

Норвегия.

Во время нынешнего нашего пленума и в Норвегии произошли довольно важные события, показывающие, что правая опасность в норвежской партии не мала. Тов. Сундби, один из заметных работников нашей партии в Норвегии, выступил в органе враждебной нам партии Транмеля с заявлением, смысл которого сводится к тому, что мы могли бы «немножечко» ликвидировать нашу коммунистическую партию. Тов. Фуруботен, руководитель нашей норвежской компартии, телеграфно сообщает, что ЦК примет все необходимые меры в этом отношении. Присутствующая здесь норвежская делегация приняла единогласное постановление о решительной борьбе против этих правых тенденций. В Норвегии есть и ультра-левый уклон. Эти злополучные уклоны почти всегда идут параллельно.

Восток.

Я хотел бы сказать еще несколько слов о Востоке. Положение народных армий в Китае за последние дни несколько ухудшилось. Вся империалистская пресса полна ликований по этому поводу и надеется, что народные армии будут уничтожены. Положение в Китае было не раз критическим, но великое национально-революционное движение обнаруживало каждый раз новые и новые силы. В этом и заключается всемирно - историческое значение событий в Китае.

Наша восточная комиссия предложит вам ряд резолюций—о Китае, об Японии, об Индии и т. д. Общее же введение на эту тему содержится в наших тезисах, которые вам предстоит принять.

Англия.

Мы стоим сейчас перед крупнейшими конфликтами между рабочими и предпринимателями в Англии. В частности, громадное значение имеет назревающая борьба английских горняков. К сожалению, об этом мы мало говорили на нашем пленуме. В ближайшие недели этот вопрос примет очень актуальный характер. Мы надеемся, что наша английская компартия поставит себе задачей вести борьбу не только против откровенных предателей—Томаса и К°, но и против колеблющихся мнимо - левых вождей тред - юнионов. Очень может быть, что именно эти колеблющиеся мнимо-левые и сыграют, как это бывало не раз, очень печальную роль, когда дело дойдет до решающего момента в вопросе о стачке горняков. Эти колеблющиеся элементы боятся стачек, как чорт ладана. Надо понять, что предстоящий конфликт в Англии, если он разгорится, не будет простой стачкой, а явится началом целой новой полосы в английском рабочем движении. Этот конфликт, если он разразится, будет таить в себе зародыши грядущих громадных социальных битв, которые в Англии неизбежны. Английское консервативное правительство, конечно, может еще согласиться на новую крупную дотацию угольной промышленности и таким образом избегнуть конфликта с горняками. Подождем — увидим. Но что необходимо ясно сознавать Коммунистическому Интернационалу, так это то, что Англия стоит перед целой полосой таких стачек, которые означают крупнейшие социальные бои, имеющие мировое значение. Английская компартия

должна и будет способствовать тому, чтобы сплотить рабочих для этих предстоящих боев. Пролетарский авангард в Англии не будет прятать голову под крыло, а будет смело итти навстречу назревающим конфликтам, которые могут быть разрешены только путем борьбы.

Итог: в Англии, во Франции, в Германии, на Востоке медленно, но верно назревают серьезнейшие события. Коммунистический Интернационал должен готовиться сыграть в них решающую роль.

Во вступительном докладе мы говорили о необходимости для ряда важнейших партий выработать программу действий на целый период. Я думаю, расширенный пленум должен поручить Исполкому совместно с соответствующими партиями такие программы выработать. Это надо сделать не второпях, а спокойно, в такой обстановке, когда мы сможем сговориться с каждой партией в отдельности.

V. Выводы.

О внутрипартийной демократии.

Итак, суммирую. Я думаю, что наш расширенный пленум дал нам возможность наметить линию дальнейшего расширения тактики единого фронта. Расширенный пленум должен также дать нам возможность осуществить более широкую внутрипартийную демократию в наших собственных рядах. Все ограничения, предложенные в этом отношении в комиссии, были нами отклонены. Думаю, что и пленум должен отклонить такие ограничения. В наших тезисах говорится о внутрипартийной демократии следующее:

«Коминтерн констатирует, что в ряде компартий до сих пор отсутствует элементарно-необходимый минимум внутрипартийной демократии. Ряд внутрипартийных кризисов последнего времени обострялся отсутствием внутрипартийной демократии. Правильный принцип демократического централизма часто истолковывается слишком механически. В результате этого инициатива сразу оказывается связанной и затрудняется формирование свежих руководящих кадров партии. Центральные комитеты иногда отрываются от массы членов партии. На этой почве тот или другой уклон легко оформляется во фракцию и тем самым становится особенно опасным.

Коммунистическая партия может быть построена только на принципе демократического централизма. Но система демократического централизма должна функционировать так, чтобы не только СВЕРХУ ВНИЗ шли директивы и руководство, но и СНИЗУ ВВЕРХ шло бы подлинное свободное выражение мнений и воли всей массы членов нашей партии.

Демократический централизм есть не только дисциплина, но дисциплина ПЛЮС подлинная выборность руководящих органов, ПЛЮС свобода обсуждения внутри партии всех вопросов (кроме моментов непосредственного действия, когда вопрос уже разрешен), ПЛЮС подлинная самодеятельность рядовых членов партии.

Ввиду всего этого, расширенная сессия ИККИ решительно настаивает еще раз на «нормализации» в тех секциях Коминтерна, где эта нормализация еще не произошла».

Эти слова надо запомнить. Это решение надо полностью провести в жизнь.

О тактике Коминтерна.

Попытки к «ревизии» прежних основных решений Коминтерна — например, решений III конгресса или решений V конгресса—мы должны самым решительным образом отклонить,—да они и отклоняются самым ходом событий. Суварин и К⁰ во Франции говорят: решения четырех первых конгрессов Коминтерна были хороши, а решения V конгресса нужно ревизовать. Такая постановка вопроса абсолютно недопустима. Мы стоим на почве решений всех пяти мировых конгрессов. Ходом событий на первый план выдвигается то решение, подчеркнутое одним из этих конгрессов, то решение, выдвинутое другим из этих конгрессов. При настоящем положении вещей особенно большое значение имеют решения III конгресса и указание, которое дал во время этого III конгресса тов. Ленин. Мы должны научиться осуществлять решения всех этих конгрессов применительно к данным конкретным условиям.

Не могу не сказать несколько слов по поводу выступления тов. Клары Цеткин. Я думаю, что она была неправа. Она пробовала критиковать нашу линию, поскольку ею было сказано, что анализ, намеченный нами, вполне хорош, но по-

чему же у нас были поражения. Она сказала, что Маркс и Энгельс дали настолько правильный анализ, который верен и теперь, через 70 лет, а между тем у нас анализ верен, но линия будто не всегда верна. Должен сказать, что я не вполне понял тов. Клару Цеткин. Ведь и Марксу приходилось терпеть поражения. Известно, что, несмотря на глубокие правильные анализы Маркса и Энгельса, Парижская Коммуна в 1871 году все же потерпела неслыханно тяжелый разгром. Первый Интернационал, который руководился Марксом и Энгельсом, выполнил великое дело, но он раскололся, он распался. Я думаю, что марксист не может требовать всегда побед. Указание на эстонское поражение в устах тов. Цеткин тоже прозвучало необычно. Я должен сказать, что в Эстонии битвы проиграли товарищи, которые ранее выигрывали много больших битв. С одной стороны, необходимо изучать причины каждого нашего поражения. Нельзя замазывать поражение. Надо взвешивать и обдумывать каждый шаг пройденного пути. Но задним числом критиковать движение только потому, что оно потерпело поражение, едва ли правильно. Я не хочу этим сказать, что все у нас идет хорошо. Мы делаем ошибки. За это нас надо бить, а главное, необходимо из этих ошибок извлекать уроки. Но мы все же утверждаем, что при всей пестроте обстановки, при всех трудностях и сложности ситуации Коминтерну удалось удержать правильную линию.

Не можем мы согласиться также и с намеком на необходимость пересмотреть некоторые основные решения V конгресса. Об этом надо говорить прямо или не говорить вовсе. Мы убеждены, что все основные решения V конгресса правильны и что ревизовать их незачем.

Тактика единого фронта — единственно правильная тактика, диктуемая всем нынешним положением вещей. Эта тактика имеет, разумеется, свои опасности. Что мы двигаемся по льду—это ясно. И что это таит в себе серьезнейшие опасности—тоже ясно. Дайте вождям социал-демократии палец, и они попытаются взять всю вашу руку. Международная социал-демократия — еще большая сила. Она пользуется поддержкой международной буржуазии. Всех этих опасностей нельзя недооценивать ни на одну минуту. Необходимо вести борьбу с правыми уклонами всюду, где они возникают.

Приведенное мною мнение тов. Ленина, что анархизм и оппортунизм, правый и левый уклоны суть близнецы,—должно быть для нас лейтмотивом в нашей работе на целый период. Мы должны уйти с этого пленума не с таким чувством, что одни, мол, победители, а другие—побежденные.

Мы должны исправить ошибки как правых, так и ультралевых и принять меры к тому, чтобы они не повторялись. Хирургию надо применять лишь там, где это диктуется абсолютной необходимостью, когда никакой возможности спасти данного работника для коммунизма нет.

Наш маршрут верен. Это ленинский маршрут. Мы должны использовать все силы, привлечь на свою сторону искренние элементы, которые признают свои ошибки и докажут на деле, что они готовы служить рабочему классу и нашей партии. Тов. Бордига прав, когда он говорит, что мы не должны топтать побежденных в нашей собственной среде. Нужно исправлять их ошибки, нельзя уступать ни на волос в принципиальных вопросах, но не надо создавать положения, при котором товарищ, совершивший крупную политическую ошибку и желающий ее исправить, не имел бы возможности это сделать.

О руководстве Коминтерном и компартиями.

Мы уже дважды упоминали о том, что XIV съезд ВКП сделал предложение другим секциям Коминтерна, чтобы они принимали более деятельное участие в осуществлении руководства Коммунистическим Интернационалом. Братские партии должны больше стоять на собственных ногах. Разумеется, советы и руководство Коминтерна для них ценны, и это руководство для них обеспечено. Но необходимо, чтобы выросшие и окрепшие коммунистические партии проявляли больше самостоятельности, чтобы они больше опирались на свой собственный опыт, чтобы они более самостоятельно подбирали себе своих руководителей, и чтобы руководство было тверже и крепче. Если каждые полгода «перепрягать лошадей», т.-е. менять руководителей, ставить новых, а старым говорить: теперь вы можете пожевать травки на лугу,—то ни к чему хорошему это не приведет. Нужно, чтобы сами партии из собственной среды на собственном опыте создавали и выковывали таких руководителей, которые действительно сумеют повести их в решающие бои. Там, где это абсолютно необходимо, должен вмешаться Исполком. Но гораздо целесообразнее, если партия сама умеет правильно выбрать свои руководящие кадры.

Побольше самостоятельности! Побольше самодеятельности, побольше собственного опыта! Контроль и руководство Исполкома, конечно, останутся, но необходимо покончить с таким положением вещей, когда сегодня тот или другой партсъезд принимает постановление, выбирает ЦК, а чуть ли

не назавтра Исполком Коминтерна вынужден все это менять. Съезды наших партий должны подготовляться настолько солидно, предварительно должно быть настолько свободное обсуждение, чтобы все силы партии получили достаточный простор и чтобы все настроения в партии действительно смогли проявиться на съезде, чтобы съезд подлинно отразил жизнь партии. Проблема руководства — одна из важнейших проблем пролетарской революции. Трудно выкристаллизовывается руководящее ядро молодых партий. Побольше самодеятельности и внутрипартийной демократии не повредит, а принесет пользу делу.

Путь Коминтерна верен.

Злорадные пророчества буржуазии и социал-демократии относительно краха Коминтерна, относительно поворота его направо, относительно наших острых расхождений и т. п., конечно, не оправдались и не оправдаются. Это уже доказано ходом работ нашего пленума. Трудности у нас, конечно, были, есть и будут. Мы их преодолеем. Руководители Коминтерна и руководители ВКП, важнейшей секции Коминтерна, готовы сделать все возможное, чтобы помочь братским партиям тверже стать на ноги и усилить свою работу на основе тех постановлений, которые мы здесь вынесем.

Я думаю, что политический анализ, данный в предлагаемых вам тезисах, является достаточно точным и верным. Мы старались вместе с приезжими товарищами изучить положение дел почти во всех странах Европы и дать сжатую оценку этого положения. Мы выдвинули на первый план анализ положения в таких странах, как Америка и Англия, которые имеют сейчас решающее значение. Лозунг «Соединенные Штаты Социалистической Европы» должен быть выдвинут прежде всего в таких странах, как Франция и Германия. Мы должны научиться увязывать этот лозунг с нашей общей коммунистической линией. Некоторые буржуазные газеты пишут о том, будто мы стремимся к созданию Соединенных Штатов Европы, а слово «социалистической» мы будто бы опускаем. Другими словами, что мы будто бы стоим не за Социалистические Соединенные Штаты Европы, а за Соединенные Штаты Европы «вообще». Разумеется, это неверно. Наш лозунг: Рабоче-Крестьянские Социалистические Соединенные Штаты Европы. И кроме того, мы знаем, что одна Европа еще не решает вопроса. Мы в то же время имеем серьезную опору на Востоке и начинаем создавать массовую компартию в Америке.

В Америке соотношение сил для нас еще очень невыгодно, но оно изменится. Время будет работать на нас. Я думаю, что мы нашли правильное решение тех проблем, которые разделяли до сих пор ряды американской партии, и что это решение удовлетворит всех товарищей.

Коммунистический Интернационал может со спокойной совестью принять тезисы политической комиссии. Он может принять их с полной уверенностью в том, что в сложном переплете многообразных социально-политических проблем, стоящих перед нами, мы сумели найти правильный путь к сплочению коммунистических партий, к усилению Коммунистического Интернационала в целях дальнейшей борьбы с буржуазией.

Резолюция VI расширенного пленума ИККИ по отчету Исполкома Коминтерна.

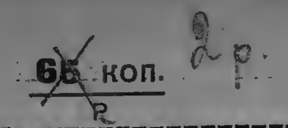
Расширенный пленум Исполкома с удовлетворением принимает к сведению отчет ИККИ и констатирует, что Исполком добился больших достижений в проведении резолюций V всемирного конгресса и расширенного пленума 1925 г.

Прежде всего, надо отметить достижения в борьбе за единство профдвижения.

Важные шаги сделаны в области проведения большевизации. Большие достижения налицо у коммунистических партий Великобритании и Китая. Открытое письмо Исполкома к КП Германии создало предпосылки консолидации КПГ и ее первых больших успехов в массах. Правая опасность в Чехо-Словакии, равно как и ультра-левая опасность в Италии были с помощью Исполкома преодолены.

Расширенный пленум выражает Исполкому свое доверие и предлагает ему в большей, чем до сих пор, мере осуществлять как в национальном, так и в международном масштабе внутрипартийную демократию. Расширенный пленум призывает все секции КИ всемерно поддерживать ИККИ в его работе по созданию подлинно массовых партий, которые и в период относительной стабилизации смогли бы завоевать и сохранить доверие масс.

СОДЕРЖАНИЕ

65 коп.

